

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

42

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Чернобыль и последствия	1
С. Тиктин. Размышления о чернобыльской трагедии	3
В. Пирожкова. Новая операция "килевания"?	17
А. Шифрин. Об ухудшении положения заключенных в СССР и об усилении преследования инакомыслящих	21
Памяти Романа Борисовича Гуля	26
П. Бартон. Русские писатели-эмигранты после 1917 года в изданиях социалистических стран	27
В. Рудинский. Финляндизация свободного мира	28
А. Гравин. Терроризм в России (<i>окончание</i>).	29
Е. Кармазин. Юридические заметки	32
В. Рудинский. Обзор зарубежной печати	38
Памяти Татианы Алексеевны Шауфус	48

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 42

Сентябрь 1986

МЮНХЕН

ЧЕРНОБЫЛЬ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В этой статье мы не будем говорить ни о технических обстоятельствах чернобыльской катастрофы, ни о ее последствиях для здоровья. Об этом мы печатаем статью другого автора, специалиста в этих областях. Мы же хотим поговорить о политических последствиях, касаясь преимущественно Западной Германии и Австрии, т. к. другие страны отнеслись к чернобыльской катастрофе более спокойно.

Небольшая Бельгия напичкана атомными реакторами для производства энергии, но отсюда не было слышно о протестах против этого вида энергии. Франция снабжается на 65% энергией от атомных реакторов, и там тоже все спокойно. Протесты против самого большого реактора, который скоро должен быть сдан в эксплуатацию, исходят не от французского, а от немецкого населения, т. к. этот реактор построен недалеко от германской границы.

В Германии же (конечно, только Западной) не утихают протесты, разные инициативы против атомной энергии, хотя страна уже на 35% ею снабжается, и немедленное прекращение работы реакторов повело бы к хозяйственной катастрофе и массовой безработице.

Самый большой шум подняла партия "зеленых", которые настаивают на немедленном выключении атомной энергетики, хотя тогда было бы совершенно необходимо начать снова усиленно жечь уголь, в то время как леса гибнут именно от тех веществ, которые выпускает в воздух сожженный уголь. Фильтры помогают только относительно. Но все это "зеленых" не остановило. Еще более знаменательно другое: требуя прекращения работы всех атомных реакторов Западной Германии, "зеленые" отказались подписать призыв к СССР и другим коммунистическим странам, чтобы они прекратили эксплуатацию своих реакторов. Можно подумать, что атомная катастрофа произошла не в Чернобыле, а где-нибудь на Рейне! А ведь на границах Западной Германии и Австрии, в Восточной Германии, в Чехословакии (в ста километрах от Вены)

стоят такие же устаревшего типа реакторы советской конструкции, как в Чернобыле!

Но "зеленые" пошли дальше. Они были уверены, что и на выборах поплывут на "волне Чернобыля", а 15 июня состоялись выборы в ландтаг в Нижней Саксонии. Перед этими выборами "зеленые" устроили в столице земли, в Ганновере, партсъезд и приняли новую программу. Только первый пункт содержал требование немедленного и полного отказа от атомной энергии. Затем шло требование выхода Западной Германии из НАТО, сокращения и постепенной ликвидации национальных вооруженных сил, сокращение наличного состава полиции, роспуска пограничной полиции, отмены наказания наркоманам и разрешения совершения абортс вплоть до девятого месяца беременности.

"Зеленые", которых министр-президент Баварии Штраус остроумно назвал арбузом (снаружи зеленые, внутри красные), широко праздновали заранее свою победу в Нижней Саксонии. Конечно, они не рассчитывали на абсолютное большинство, но были уверены, что вместе с социал-демократами составят новое правительство, хотя социал-демократы перед выборами от них отмежевались.

Но после выборов у "зеленых" вытянулись лица. Они получили не больше, чем на прошлых выборах, 7% голосов, и избиратели подтвердили избрание министра-президента Нижней Саксонии Эрнста Альбрехта от христианских демократов, хотя теперь он должен управлять землей в коалиции со свободными демократами, абсолютное большинство его партия потеряла.

"Зеленые" горько жаловались, что открыли на этом съезде все свои карты. Если б они оставили только антиатомное требование, то не отпугнули бы сразу избирателей. Другие пункты можно было бы "вытаскивать из рукава" постепенно, уже укрепив свои позиции. Мы, конечно, должны быть благодарны "зеленым" за их откровенность, но она, действительно, не совсем понятна, т. к. в руководстве "зеленых" много бывших членов

компартии, которые покинули эту партию, вероятно, только для вида. А они мастера притворства и обычно открывают свои карты только постепенно. В данном случае они прощались.

Однако антиатомное настроение распространено довольно широко. Это — неопределенный страх перед силами, которые человек призвал к жизни и с которыми он, очевидно, не всегда может справиться. В разных странах Европы, в том числе и в Западной Германии, были вначале предупреждения насчет разного рода пищи. Так, были перепаханые поля с салатом и другой зеленью, т. к. зелень не покупали и не ели, пока шел атомный дождь. Правительство должно было возместить крестьянам потери, а на предъявленный денежный иск СССР последний ответил лишь насмешкой. Из восточноевропейских стран был запрещен ввоз разных продуктов питания. Так вот: отвергнутую на баварской границе венгерскую спаржу послали в Чехословакию. И люди покупали и ели: давно в продаже не было спаржи! Однако если йод и другие радиоактивные вещества уже распались, то радиоактивные стронций и цезий распадаются десятками лет, и есть мнение, что в последующие годы трава будет заражена больше, чем теперь, т. к. все эти вещества уйдут в глубину земли и заразят корни трав, а через них яд попадет в молоко и мясо. Вероятно, большинство опасений напрасно. Только теперь мы узнали, что тогда, когда обе великие атомные державы делали экспериментальные взрывы в воздухе, радиоактивное излучение было порой значительно больше, чем теперь, после Чернобыля, и никаких страшных последствий оно не имело. Но разница в том, что тогда все казалось находившимся в руках самих людей: они делали экспериментальные взрывы, они же их прекратили, поняв, что этого делать не следует. Теперь же такое ощущение, что эти силы вырвались из рук людей, т. к. даже советское руководство нельзя обвинить в том, что оно сознательно вызвало эту катастрофу в Чернобыле. Указание на устаревшую технику, небрежность, халатность, обусловленные всей советской системой, не очень успокаивает. Люди чувствуют смутный мистический ужас перед этим новым видом энергии, и не совсем без основания. Если прежние технические катастрофы могли унести много жизней, то этим и кончалось. Погибали именно эти люди и больше никто. Но катастрофа на атомном реакторе может в самый момент катастрофы унести немного жизней, но сулит еще не совсем известные, недостаточно изученные опасности в будущем. Человек может быть сейчас здоровым, но уже носить в себе зародыши разрушения, могут заболеть дети, когда они вырастут, может отразиться на следующем

поколении. Продукты питания выглядят прекрасно, фрукты, овощи располагают к тому, чтобы ими полакомиться, но они могут таить в себе отраву, так же молоко и мясо, если коровы питались травой, получившей заряд радиоактивности. Вот эта-то незримость и невесомость опасности вызывает у многих неопределенный страх.

Конечно, нелепо требовать вывода из эксплуатации всех атомных реакторов, тогда как в Восточном блоке менее усовершенствованные реакторы будут продолжать работать на всю силу. Катастрофа была в Чернобыле, а первая ее заметила Швеция, — где Швеция, а где Чернобыль! Если уж отказываться от атомной энергии, то всем странам Земли вместе. Разумом люди это понимают, но чувство толкает их на протесты против реакторов там, где это ближе, там, где протесты могут иметь успех. Советский Союз не прислушивается ни к каким протестам.

Вот на этой "антиатомной" волне пытаются плыть некоторые партии и отдельные политики. Так, Курт Вальдхейм еще до избрания его президентом Австрии, желая приобрести популярность, написал баварскому министру-президенту Штраусу письмо с пожеланием, чтобы не строилось большое предприятие атомной энергетики в Вакерсдорфе. Штраус ответил довольно резко и обвинил Вальдхейма во вмешательстве в дела другого государства. Штраус во многом прав, Вальдхейм только искал популярности, но... может ли в наше время эта проблема быть делом одного государства? Атомные волны не заботятся о государственных границах.

Президент Западной Германии Рихард фон Вайцзекер, который тоже очень ищет популярности и пользуется при этом не всегда "чистыми" методами, призвал ученых усиленно заниматься разработкой солнечной энергии, причем так, что можно было подумать, будто солнечная энергия уже вот-вот сможет заменить все виды других энергий.

На волне этого страха пробуют плыть и социал-демократы. Они, правда, официально не обещают выключить реакторы сразу же, если они придут к власти, но обещают постепенный "вывод страны из атомной энергетики" в течение 10 лет. Но какими методами они этого хотят добиться, они не сообщают. В левых кругах социал-демократов слышны и более радикальные голоса. В конце концов, социал-демократам приходится ориентироваться на "зеленых". Хотя кандидат в канцлеры от этой партии Иоганнес Рау утверждает, что он ни в коем случае не пойдет на коалицию с "зелеными" и займет пост канцлера только в том случае, если его партия получит на выборах в январе 1987 г. абсолютное большинство, но все понимают, что такой результат почти что совершенно невозможен и что, если

Рау откажется сотрудничать с "зелеными", в случае численной возможности такой коалиции, его оттолкнут в сторону, и его партия назначит другого кандидата. По конституции Зап. Германии выбирается не лицо, а партия, последняя имеет право и не называть, кого она предложит на пост канцлера в случае ее победы, но большинство партий предпочитает назвать и разрекламировать заранее своего кандидата. Однако партия этим не связана и после выборов, получив большинство, может сменить кандидата.

Между тем усилились протесты, демонстрации, причем далеко не только мирные. Вооружение "демонстрантов" становится все совершеннее. Во время битв бывает ранено обычно больше полицейских, чем демонстрантов. Снова дали себя знать террористы. Был убит д-р Бекуртц, ведущий специалист в фирме Сименс по атомной энергетике и большой ученый, и вместе с ним его шофер, бомбой, которая была положена под дерево по пути следования их машины и взорвана издали точно в тот момент, когда машина проезжала мимо этого дерева. Был произведен ряд взрывов в различных научных институтах и даже подожжена историческая мюнхенская пивная, где, правда, в большом зале и партии не раз устраивали свои собрания. "Питательной" средой снова вспыхнувшего терроризма являются на сей раз протестующие и демонстрирующие противники атомной энергии на... Западе!

Недавно по немецкому телевидению показали старый французский фильм (где, правда, главные роли играли немецкие артисты, теперь уже покойные) об Александре II. Довольно объективно были обрисованы как сам император, так и убившие его террористы-фанатики. "Как актуален этот фильм!" — сказал мне один русский знакомый. Да, он актуален. Другой народ, другое

время, другие политические и социальные условия, но все та же жажда убийства и разрушения, все та же сатанинская ненависть к тем, кто что-то делает, что-то творит, что-то налаживает. "Страсть к разрушению — это тоже творческая страсть!" — написал Михаил Бакунин. Нет, это — не творческая страсть! Это — безумная страсть. И теперь видно ясно, что она не зависит от внешних обстоятельств. Она живет внутри человека, а повод для своего проявления она всегда найдет, именно повод, а не причину. Между прочим, как и в России, среди террористов много женщин. Поддавшись идеям насильственного оспаривания мира, женщины становятся особенно фанатичными.

Таковы последствия на Западе. А в той стране, где совершилась сама чернобыльская катастрофа? Там, конечно, коммунистические диктаторы и не думают отказываться от атомной энергии. А население промолчит, как оно обычно молчит. Ответит только горькими анекдотами, тоже — как обычно. Советское правительство не привыкло заботиться о населении, и все же снабжение водой Киева было в рекордный срок переключено с Днепра на Десну. Видно, воды Днепра сильно заражены.

Невольно возникает сравнение: почти 1000 лет тому назад — через два года наступит тысячелетие — в водах Днепра наши предки приняли крещение. Русь стала христианской. Теперь воды Днепра отравлены. Именно под Киевом за два года до тысячелетия Крещения Руси произошла эта катастрофа. Что Господь этим хочет сказать? Как бы ни были виноваты люди, система, мы должны уметь читать и другие знаки, восстающие перед нами в земных катастрофах. В чем заключается более глубокий смысл чернобыльской катастрофы и каковы будут ее более отдаленные последствия? Мы этого не знаем.

В. Пирожкова

С. ТИКИН

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ТРАГЕДИИ

(В статье использованы материалы, опубликованные в советской, эмигрантской русскоязычной и западной периодике)

Утром 28-го апреля 1986 г. дозиметрическая служба шведской атомной электростанции (АЭС) в Форксмарке отметила повышение фона радиации. Утечку радиоактивных веществ из реакторов обнаружить не удалось. Тем не менее персонал был удален из здания АЭС. Фон радиации непрерывно возрастал. Оказалось, что излучение, во много раз превышающее естественный уровень, исходило от верхней одежды и обуви людей, с поверхности почвы и растительности далеко за пределами

станции. Вскоре такие же тревожные сигналы стали поступать из Финляндии, Дании и Норвегии. Через несколько часов было установлено, что в Скандинавию с территории Советского Союза занесены юго-восточным ветром облака, из которых выпадают радиоактивные осадки. Возможность ядерного взрыва в атмосфере полностью исключалась. Причиной могла быть только серьезная авария атомного реактора — тем более, что в радиоактивных выпадениях был обнаружен неп-

туний — не существующий в природе транс-урановый элемент, образующийся в реакторах в процессе производства следующего за ним элемента — плутония. На все запросы шведских дипломатов советские чиновники или ничего не отвечали, или отвечали, что все в порядке и никаких аварий не происходило. Вечером того же дня агентство ТАСС сообщило об "аварии" на АЭС в г. Чернобыле под Киевом. 29-го апреля появился снимок горящего реактора, сделанный американским спутником. А радиоактивные облака уже неслись в глубь Центральной Европы...¹

Так возникло зловещее понятие "Чернобыль", ставшее в один ряд со словами "Хиросима", "Нагасаки", "Бикини"...

* * *

Управляемая цепная реакция деления урана была осуществлена и в США, и в СССР, и в других странах "атомного клуба" раньше, чем ядерные взрывы. Поскольку первоочередной задачей было создание ядерной сверхбомбы, колоссальные количества тепла, выделявшегося при делении урана в первых мощных реакторах с графитовым замедлителем нейтронов, были только побочным фактором, осложнявшим производство ядерной взрывчатки — плутония. Но уже тогда определилась принципиальная возможность использования этой тепловой энергии для производства пара, способного вращать турбины.

Естественно, что реакторы первых опытно-промышленных АЭС в странах свободного мира ненамного отличались от своих предшественников, производивших только плутоний. Будучи "двухцелевыми", эти АЭС тоже производили плутоний и попутно — электроэнергию, которая, взятая сама по себе, не могла конкурировать по себестоимости с энергией, производимой на гидростанциях и работавших на сравнительно дешевых в то время угле и нефти тепловых электростанциях. На пути к большой ядерной энергетике стояло еще немало нерешенных проблем, и не в последнюю очередь — проблемы надежности и безопасности, которым в этих странах с самого начала было уделено огромное внимание.

* * *

В 1954 году Советский Союз официально объявил о пуске "первой в мире" опытно-промышленной АЭС² электрической мощностью в 5 Мвт под Калугой. Ее реактор имел графитовый замедлитель нейтронов — как и первые американские и советские опытные и промышленные реакторы "первого поколения". Тепловыделяющие элементы активной зоны реактора (ТВЭЛы) состояли из урановых

стержней, покрытых оболочкой из циркониевого сплава, и охлаждались обычной водой, циркулирующей под высоким давлением по трубам, проходящим через многочисленные каналы в толще графита.

Насколько надежными были система управления и защиты этого реактора?

Один советский журналист описал в середине 1950-х гг. продемонстрированный ему на этой АЭС эксперимент. Из реактора был мгновенно удален один из поглощающих нейтроны стержней, управлявших цепной реакцией деления урана. На десятках измерительных приборов пульта управления дернулись стрелки (тогда они еще были стрелочными, а не цифровыми). Все, кроме стрелки прибора, измеряющего мощность реактора. Таким образом, тогдашняя автоматика успела отреагировать и выровнять режим реактора за десятые доли секунды. Факт? Гениальное решение с помощью примитивных средств? Или это был просто блеф, "показуха"?

На вопрос журналиста относительно конструкции ТВЭЛ'ов тогда последовал такой ответ: "У нас еще ни один ТВЭЛ не вышел из строя, а отработанные мы, не вскрывая, отправляем на завод, который их перерабатывает".

Таким образом, проблемы надежности и безопасности АЭС оказывались как бы уже разрешенными в Советском Союзе более тридцати лет назад раз и навсегда на базе советской техники тех лет.

Вскоре последовали сообщения о программе развития советской ядерной энергетики. Однако через тридцать лет ее доля в общем производстве энергии по стране составляла всего 10%, хотя по ядерному вооружению СССР догнал (если не перегнал) США. Только за 1982—1984 гг. количество советских стратегических ядерных боеголовок возросло на 37%. Таких темпов прироста не предусматривала и провалившаяся программа строительства материально-технической базы коммунизма 1961 года — ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве.

* * *

В 1955 году в США был произведен экспериментальный взрыв ядерного реактора, позволивший определить наихудшие результаты катастрофы АЭС. В 1969 году там был на полигоне осуществлен пожар макета реактора с графитовым замедлителем, показавший высокую огнеопасность таких реакторов — особенно при водяном охлаждении ТВЭЛ'ов.

Поэтому ядерная энергетика США и стран

Западной Европы довольно быстро отказалась от реакторов с графитовым замедлителем и перешла к реакторам "второго поколения", работающим на уране, обогащенном его делящимся под действием медленных нейтронов легким изотопом (несмотря на высокую стоимость такого обогащения), и обычной "легкой" воде в качестве замедлителя нейтронов. Такие реакторы, помещаемые в толстостенный стальной корпус весом в сотни тонн, защищены еще в целях безопасности колпаками из армированного железобетона толщиной до полутора метров, способными выдержать и взрыв реактора, и землетрясения, и даже падение на них самых больших самолетов.

Все аварии на АЭС, особенно сопровождавшиеся человеческими жертвами (число которых до последнего времени не превышало нескольких человек — неизмеримо меньше, чем в угольной и нефтяной промышленности³, не говоря уже о транспорте) или выбросами даже ничтожнейших количеств радиоактивных веществ, широко дебатировались в прессе. Это вело к дальнейшему совершенствованию техники безопасности на АЭС стран свободного мира и их удорожанию. Тем не менее себестоимость электрической энергии, производимой на АЭС, неуклонно снижалась и продолжает снижаться.

Развитие атомной энергетики в странах Запада было в значительной степени ускорено энергетическим кризисом 1970-х — начала 1980-х гг.

К этому времени стало очевидным, что легкодоступные месторождения нефти и в значительной мере — угля в свободном мире в основном выработаны и не могут удовлетворять все растущий спрос. Добыча с больших глубин и из-под морского дна обходилась дорого и существенно подешеветь не обещала. Увеличение использования гидроэнергоресурсов оказалось чреватым серьезными экологическими нарушениями, убытки от которых грозили достаточно быстро превзойти все выгоды от этой "даровой" энергии⁴.

Солнечная энергия, как и энергия ветра, морских волн, приливов и т. п., вообще малоперспективны для энергетики крупного масштаба. Осуществление управляемого термоядерного синтеза (какими побочными явлениями он может еще сопровождаться?!) после всех триумфальных прогнозов 1950—1960-х гг. явно отложилось на неопределенный срок.

А в ядерной энергетике к этому времени открылись новые возможности, связанные с реакторами "третьего поколения". Речь идет о реакторах на быстрых, незамедленных нейтронах с активной зоной из чистого плутония, в которой происходит деление его ядер. Активная зона окружена природным (или даже

обедненным делящимся легким изотопом) ураном, превращающимся в плутоний под действием нейтронов, выходящих из активной зоны. При этом плутония образуется больше, чем "сгорает". Этот плутоний в свою очередь может быть использован в качестве ядерного "топлива". Подобного рода реакторы-размножители позволяют в конечном счете "сжигать" уран целиком, а не только его легкий изотоп. Тем самым теплотворная способность урана, и без того во много тысяч раз превышающая таковые для нефти и угля, увеличивается еще в сто с лишним раз.

Принцип этот не так уж нов. Но для его использования при высоких мощностях необходимы значительные первоначальные количества плутония и высокий уровень технологии, уже достигнутый в развитых странах свободного мира.

Степень развития ядерной энергетики в различных странах и тенденции этого развития к моменту чернобыльской катастрофы характеризуются таблицей на стр. 6.

На сегодня доля атомной энергетики в общемировом производстве энергии составляет 15%. Согласно прогнозам, составленным до чернобыльской катастрофы, к 1990-му году она должна увеличиться до 20%. Чтобы тепловые электростанции, работающие на нефтепродуктах, смогли успешно конкурировать с современными АЭС, цена нефти должна упасть до пяти долларов за баррель и надолго стабилизироваться на уровне, не превышающем этой величины. Но в ближайшее время такого "чуда" ожидать не приходится по указанным ранее причинам.

Следует отметить также, что при сжигании нефти, угля, природного газа и т. п. поглощается атмосферный кислород и образуется углекислота. Повышение ее концентрации в атмосфере приводит к увеличению средней температуры последней в результате "парникового эффекта". Пока что этот эффект незначителен. Но при темпах роста энергетических мощностей, характерных для XX века, наша планета может стать непригодной для жизни уже через несколько столетий. А ядерная энергетика практически не расходует кислорода и не образует углекислоты.

Таким образом, уже не осталось серьезных причин чисто технического и экономического характера, способных помешать бурному развитию ядерной энергетики в свободном мире, переход к которой в конце XX века столь же закономерен, как переход от дров к углю в течение XVII—XIX веков и переход от угля к нефти в первой половине XX века.

* * *

После катастрофы на Чернобыльской АЭС

Порядковое место по доле АЭС в общем производстве электроэнергии	Страна	Доля АЭС в общем производстве электроэнергии (в %)	Число действующих реакторов на всех АЭС	Число строящихся реакторов на всех АЭС
1	Франция	65	44	17
2	Бельгия	60	8	—
3	Тайвань	52	6	—
4	Швеция	50	12	—
5	Швейцария	40	5	—
6	Финляндия	38	4	—
7	ФРГ	36	20	5
8	Болгария	32	4	2
9	Япония	26	32	10
10	Испания	22	8	2
11	Англия	18	37	2
11	Южная Корея	18	4	5
12	США	17	101	29
13	Чехословакия	15	5	11
14	Канада	13	15	8
14	Аргентина	13	2	1
15	ГДР	12	5	6
16	СССР	11	51	34
17	Югославия	5	5	—
17	Венгрия	5	2	2
17	Нидерланды	5	1	—
18	Италия	4	3	2
18	ЮАР	4	2	—
18	Индия	4	6	2
19	Пакистан	2	1	—
19	Бразилия	2	1	2
—	Румыния	—	—	3
—	Китай	—	—	2
—	Польша	—	—	2*
—	Мексика	—	—	2
—	Куба	—	—	2
—	Австрия	—	—	1

*В Жарновце, строящиеся по тому же типовому проекту, что и реакторы Чернобыльской АЭС. Недаром в Польше теперь говорят: "Сегодня Чернобыль — завтра Жарновец".

в ряде западных газет и журналов появились схемы и описания этой АЭС и ее реакторов РБМК-1000 (реактор большой мощности кипящий на 1000 Мвт). Оказалось, что эти реакторы в принципе не отличаются от реактора "первой в мире" АЭС Физико-Энергетического Института АН СССР (г. Обнинск) тридцатидвухлетней давности — только раз в 200 мощнее. Более того, оказалось, что эти реакторы даже не имеют железобетонного защитного колпака, подобного колпакам реакторов американских и западноевропейских АЭС.

27-го марта этого года, менее чем за месяц до катастрофы, газета "Литературна Украина" (Киев) опубликовала статью Л. Ковалевской "Это не частное дело", в которой сообщалось, что строительство Чернобыльской АЭС (объявленной "ударной комсомольской стройкой") велось без соблюдения должной технологии, с использованием недоброкачествен-

ных или просто бракованных материалов в условиях систематического срыва графика, штурмовщины и плохой трудовой дисциплины. Предполагала ли автор, насколько зловещим и многозначительным предсказанием может стать брошенная ею вскользь фраза: "Брак придется оплачивать десятилетиями"? О таких же безобразиях, творившихся на строительстве Смоленской, Калининской, Балаковской, Южноукраинской, Ростовской и других атомных электростанций⁴ неоднократно сообщалось и ранее в советской печати. Ряд пикантных подробностей на этот счет, в принципе не меняющих известной картины, характерной для многих строек в Советском Союзе, тем более — "ударных", появился в западной и эмигрантской прессе после катастрофы.

Надо ли в таком случае недоумевать по поводу заявления известного американского специалиста, директора Института Ядерной

Физики им. Энрико Ферми Чикагского университета проф. Р. Сачса по поводу Чернобыльской катастрофы: "Те из нас, кто знают что-нибудь о советском отношении к технике безопасности, удивлялись, почему в Союзе не было таких происшествий до настоящего времени".

Было.

На стационарных промышленных АЭС в г. Шевченко на берегу Каспийского моря, близ г. Ровно на Западной Украине, на Белоярской станции на Урале и др. имели место весьма опасные аварии. Тяжелая катастрофа, сопровождавшаяся многочисленными человеческими жертвами, произошла в 1966 году на ледоколе-атомоходе "Ленин", когда расплавилась активная зона в одном из его реакторов. Еще более страшные катастрофы произошли на нескольких подводных лодках. Некоторые из них затонули со всем экипажем. Другие удавалось отбуксировать в советские порты. Симптоматично, что их команды часто оставались запертыми во внутренних помещениях (во избежание паники?!) и погибали затем полностью или частично на борту или в госпиталях от последствий облучения.

До последнего времени советскому руководству удавалось уберечь эти "происшествия" от гласности внутри и вне страны. Но в начале июня этого года — уже после чернобыльской катастрофы, шведские военно-морские силы, обнаружив в очередной раз в своих территориальных водах советскую шпионскую подводную лодку, атаковали ее глубинными бомбами. Поврежденная подлодка, видимо, ядерная, ушла, оставляя в море и над ним радиоактивный след, зарегистрированный дозиметрическими службами ряда стран и даже нескольких посольств в Москве.

Добралась ли эта подлодка до своей базы и какова судьба ее экипажа — неизвестно, но Балтийское море уже не останется "безъядерным" всерьез и надолго.

Не остается в стороне и космос. Несколько лет назад в Северной Канаде упал вскоре после запуска советский спутник-шпион с мини-АЭС на борту. Загрязненная радиоактивными веществами местность оказалась, к счастью, безлюдной.

* * *

Почему и как произошла катастрофа в Чернобыле? Реактор был выведен из рабочего режима, но полностью не выключен. В ночь на 26-е апреля его мощность составляла 7% от рабочей. По всей видимости был значительно снижен (или упал?) и расход охлаждающей воды. На реакторе производились какие-то манипуляции или эксперименты.

Американская служба радиоперехвата зарегистрировала 25-го апреля интенсивные переговоры между АЭС и Москвой. Видимо, опасная ситуация создалась на реакторе за несколько часов до катастрофы. Внезапно мощность реактора выросла в семь раз, достигнув 50% номинальной. Ошибка оператора? Результат эксперимента? Официальная советская версия гласит: "Результат человеческой ошибки". Так или иначе, ТВЭЛ'ы стали разрушаться вследствие перегрева. Началась реакция их циркониевых оболочек с перегретым паром, сопровождавшаяся выделением водорода, который, смешавшись с воздухом, взорвался. По некоторым предположениям, этот взрыв обрушил большой мостовой кран на активную зону реактора. Последовал новый взрыв, разрушивший крышу и частично стены. Вспыхнул графит. Возник интенсивный подсос воздуха через проломы. Вода, взаимодействуя с раскаленным графитом, образовывала генераторный газ из смеси водорода с окисью углерода, усиливавший пламя, взметнувшись, по советским данным, на тридцать метров, по американским данным, полученным со спутника, — гораздо выше. Из плавящихся под действием огромной температуры частично отработанных ТВЭЛ'ов выделялись высоко-радиоактивные продукты деления урана и уносились в атмосферу потоками раскаленного воздуха.

Пожарным удалось погасить пламя, перекинувшееся на крышу над соседним реактором, но после того, как в аварийном реакторе загорелся графит, сбить огонь струями воды было делом безнадежным. Только через несколько дней пожар был засыпан тысячами тонн мокрого песка, свинца, известняка и поглощающих нейтроны боросодержащих материалов, сброшенных с вертолетов, зависавших в столбе радиоактивного дыма.

Учитывались ли с самого начала этой операции последствия, которые могла вызвать такая дополнительная нагрузка основания реактора, — не ясно. Во всяком случае, западная пресса обратила внимание на опасность так называемого "китайского синдрома", то есть прожога основания реактора расплавленным материалом активной зоны и в результате — попадания радиоактивных веществ в подпочвенные воды, связанные с бассейном Днепра. Однако через две недели после катастрофы вице-президент АН СССР Е. Велихов сообщил корреспонденту "Правды", что удалось предотвратить новый, еще более катастрофический взрыв уже разрушенного реактора, под которым, оказывается, находились не подпочвенные воды, а резервуар с водой. Одновременно было опубликовано сообщение о том, что несколько рабочих (водолазов?) смогли проникнуть в резервуар с радиоактивной водой и открыть спускные

вентиля, в результате чего и удалось избежать новой катастрофы.

Что же это за резервуар?

Скорее всего он предназначался для сбрасывания в него из активной зоны реактора отработанных ТВЭЛ'ов, выдерживаемых в воде до распада короткоживущих изотопов, а затем отправляемых в специальных контейнерах на радиохимический завод в Калинковичи для извлечения плутония, идущего на производство ядерных боеприпасов.

Если бы раскаленный материал активной зоны проник в воду, то образовавшийся в замкнутом объеме этого резервуара пар действительно поднял бы в воздух всю массу реактора и заваливших его материалов — более 5000 тонн и разбросал их на большой площади. Три остальных, остановленных, но "горячих" реактора были бы тоже разрушены. И масштаб этой новой катастрофы был бы несравним с предыдущей⁶. Теперь этот резервуар заполнен бетоном через спешно пробитый под реактор тоннель.

Почему эти резервуары под реакторами не имеют ни аварийного сливного трубопровода, ни других предохранительных устройств — нам неизвестно. Режим экономии?

* * *

Наибольшей тайной окутаны события первых часов и дней катастрофы. Явно, что основные усилия руководства прилагало к тому, чтобы скрыть происходящее и не допустить паники, вернее потери своего контроля над населением в угрожаемой зоне.

Как сообщил впоследствии председатель государственной комиссии по расследованию катастрофы Б. Щербина, эвакуация жителей населенных пунктов, расположенных по соседству с АЭС, началась только через 36 часов после взрыва "из-за недооценки ситуации на месте".

А что было в первые сутки? Похоже, что самое страшное — ничего. Американский спутник, заснявший 26-го апреля пылающий реактор, заснял одновременно и баржу, шедшую в километре от него по Припяти, и игру в футбол на спортплощадке, расположенной в полутора километрах от АЭС. Пытались ли все это время украинские власти скрыть происходящее от центральных или, наоборот, не объявляли тревоги по указанию последних, пока не ясно.

Что же стало с теми, кто находился непосредственно в помещении АЭС и вблизи нее в первые минуты и часы катастрофы?

Во втором советском официальном сообщении о чернобыльской "аварии" на реакторе говорилось о всего двух убитых и восемнадцати раненых. Но 29-го апреля мос-

ковские корреспонденты американского агентства ЮПИ связались с жительницей Киева Т. Яценко, "имевшей отношение к спасательным операциям и системе здравоохранения". Она сообщила им о гибели восьмидесяти человек сразу (видимо, при взрыве реактора) и еще около двух тысяч во время перевозки их из Чернобыля и Припяти в киевские больницы, а также, что Октябрьская больница в Киеве переполнена облученными. Погибших, сказала она, не хоронят на кладбищах, а сваливают в "могильник" для радиоактивных отходов близ г. Пирогова.

Голландский радист А. Кофман перехватил сообщение неизвестного советского радиолобителя: "...Везде смерть и огонь. ...Много сотен людей умерли или пострадали от радиации, но, может быть, и намного больше. Мы слышали сильные взрывы. ...Много трупов нельзя вынести из-за радиации. ...Тысячи местных жителей спасаются бегством на юг..." Больше таинственный радиолобитель в эфир не выходил. Был запеленгован и арестован?

После публикации агентством ЮПИ сообщения Т. Яценко последняя "обратилась" в две советские газеты, заявив, что ее поняли неправильно и что погибли не две тысячи, а только двое — как сообщило в свое время агентство ТАСС.

Где же истина?

Судите дальше сами.

По официальным советским данным, к августу в московских больницах умерли более 30 человек из числа пострадавших в чернобыльской катастрофе. Из 19 пациентов, подвергнутых пересадке костного мозга, умерли 13. Всего в больницах Москвы, согласно этим данным, было госпитализировано около 300 человек, пострадавших от облучения. Среди них, кроме пожарных, работников АЭС и спасателей, есть и просто окрестные жители и эвакуированные.

Последнее показывает, что опасная зона простиралась достаточно далеко от горевшего реактора. Сколько пострадавших от радиации были и еще будут госпитализированы в киевских и других провинциальных больницах и как сложится их судьба — об этом можно только гадать.

Советская печать упорно избегает обсуждать последствия, которыми обернется катастрофа на чернобыльской АЭС для тысяч окрестных жителей в ближайшем и далеком будущем. П. Бекман в издаваемом им бюллетене "Excess to Energy" делает предположение, что к началу июля может умереть более тысячи человек. Большая часть этих смертей, по мнению Бекмана, обусловлена несвоевременной информацией населения и его запоздалой эвакуацией из опасной зоны, уровень радиации в которой мог быть чрезвычайно высоким. Каким?

На пресс-конференции 6-го мая упомянутый выше Щербина и другие ответственные деятели называли цифры порядка десятков миллирентген в час — количества, от которых никто пострадать бы не мог вообще. Но за три дня до того новый первый секретарь МК КПСС Б. Ельцин, будучи в ФРГ, сообщил в интервью совсем иные цифры: 150—200 рентген в час, то есть большие примерно в 10000 раз? Разумеется, советские средства массовой информации их не назвали. А каков был уровень радиации в самом начале — можно только догадываться. Так или иначе, Щербина получил изрядную ее дозу сам — и госпитализирован.

Д-р Гейл из США, проводивший в Москве пересадки костного мозга облученным, заявил, что от радиации, обусловленной чернобыльской катастрофой, более 100000 человек могут заболеть раком в недалеком будущем. Очень большое число людей в пределах этой цифры, полагает д-р Гейл, подвергаются непосредственному риску и должны находиться под медицинским наблюдением длительное время, возможно, всю жизнь. Высоко отзываясь о "быстрых и эффективных" действиях советских врачей, д-р Гейл подчеркнул, что помощь была осложнена тем, что она "пришла не сразу". Профессор медицинской физики Калифорнийского университета Дж. Гофман, как сообщила газета "Лос-Анжелес Таймс", подсчитал, что выброшенные из реактора радиоактивные вещества могут вызвать в Скандинавии и странах Восточной Европы более 30000 случаев раковых заболеваний.

Существуют и другие прогнозы, отличающиеся в ту или иную сторону. Но все они достаточно неутешительны.

Советские официальные прогнозы многократно оптимистичнее прогнозов д-ра Гейла. В пределах СССР они, конечно, подтвердятся. Какое количество случаев рака или лейкемии относить за счет чернобыльской катастрофы, какое — нет, будет решаться властью. Динамика развития лучевых заболеваний и борьбы с ними будет так же тщательно скрываться, как и раньше. А передовые методы их лечения (тем более — на средства западных благодетелей) окажутся доступными пациентам, властью же и отобранным. Массы населения на них рассчитывать не могут.

* * *

Сразу же напрашивается вопрос: можно ли сравнить чернобыльскую катастрофу с бомбардировками Хиросимы и Нагасаки, с последствиями испытаний ядерного оружия в атмосфере, с ядерной катастрофой около г. Кыштым на Урале в 1957 г. и наиболее серьезными авариями реакторов в странах Запада?

Скажем сразу, что есть и сходство, и различия.

Взрывы атомных бомб эквивалентной мощностью в 15—20 тысяч тонн тринитротолуола (ТНТ) над Хиросимой и Нагасаки были произведены в воздухе на высоте нескольких сотен метров. Они сопровождались сильнейшей ударной волной и чрезвычайно интенсивным, но кратковременным импульсом теплового и проникающего радиоактивного излучения. Однако огненный шар взрыва не касался земли, а нагретый им воздух поднялся вверх на несколько километров, увлекая радиоактивные продукты деления урана (плутония), которых всего образовалось менее килограмма. Затем они были рассеяны на большие расстояния горизонтальными воздушными течениями. Когда американские специалисты через пару недель после взрыва произвели там измерения остаточной радиации, последняя лишь в несколько раз превышала естественный фон. Вскоре интенсивность радиации упала до естественного уровня.

Гораздо большие количества коротко- и долгоживущих радиоактивных веществ — от сотен килограммов до нескольких тонн — выбрасывались в атмосферу при наземных испытаниях "грязных" термоядерных бомб большой мощности, сопровождавшихся испарением и нейтронным облучением земных пород. Об испытании американской термоядерной бомбы эквивалентной мощностью в 14 миллионов тонн ТНТ в 1954 году на острове Бикини и выпадении радиоактивной пыли на находившийся в 160 километрах от острова японский корабль написано немало. Тогда погиб один член его экипажа, остальных удалось спасти. Зато почти ничего не известно о том, как после взрыва четверо более мощной советской "грязной" термоядерной бомбы на Новой Земле в 1962 году на тундру обрушился с неба черным снегом радиоактивный мор, а на рубежах спешно созданной по такому случаю "запретной зоны" бегущих ненцев встретили в качестве экстренной помощи разрывные пули солдат внутренних войск МВД.

Долгое время оставался тайной выброс радиоактивных отходов одного из первых советских промышленных реакторов на Урале в 1957 году из-за парообразования воды, просочившейся в плохо изготовленные и захороненные на небольшой глубине контейнеры. Мощность взрыва (или взрывов) была небольшой, и они не были зарегистрированы на Западе. Зато количество выброшенных наружу долгоживущих радиоактивных веществ (короткоживущие изотопы успели распасться) составляло тонны. Они выпали на территории площадью примерно в тысячу квадратных километров в глубине Советского

Союза и за его пределы вынесены не были. Вскоре с его карты исчезли около тридцати населенных пунктов в этом районе. Точное число жертв вряд ли будет когда-либо установлено — тем более, что в попытках расчистки и дезактивизации этой территории были использованы заключенные-смертники. Теперь там "радиологический полигон".

Первые английские реакторы, предназначенные для промышленного производства плутония, также имели графитовый замедлитель нейтронов. Но их ТВЭЛы из природного (необогашенного) урана охлаждались не водой, а воздухом, продуваемым сквозь каналы активной зоны. В результате перегрева и частичного расплавления ТВЭЛ'ов в одном из таких реакторов, находившихся в Виндскейле, возник пожар. Взрыва не произошло — по-видимому, вследствие отсутствия воды в реакторе. Его корпус не пострадал, а продукты сгорания, содержавшие радиоактивные изотопы, начали выбрасываться через вытяжную трубу. Реактор был выключен, воздушное дутье было перекрыто, после чего он был заполнен углекислым газом, а затем затоплен водой. Эвакуация людей из опасной зоны и другие меры предосторожности были приняты немедленно. Человеческих жертв не было, но, по подсчетам специалистов, выпавшие радиоактивные изотопы могли быть причиной нескольких десятков раковых заболеваний.

"Сухие" реакторы такого типа, охлаждаемые не воздухом, а углекислым газом, циркулирующим в замкнутом контуре, успешно эксплуатировались в английских и французских АЭС "первого поколения", обеспечивших "первоначальное накопление" плутония.

Авария "корпусного" реактора АЭС на Трехмильном острове в США, где также расплавилась активная зона, привела к очень небольшой утечке радиоактивных веществ, по интенсивности излучения эквивалентных 15 кюри, то есть 15 г радия. Пострадавших не было вовсе, но станция была закрыта.

Взрыв реактора в Чернобыле разрушил только часть крыши и стены здания АЭС, но в ходе длившегося несколько дней пожара в атмосферу было выброшено по крайней мере несколько тонн коротко- и долгоживущих радиоактивных веществ — примерно столько, сколько образуется при взрыве "грязной" термоядерной бомбы мощностью в несколько десятков миллионов тонн ТНТ. Интенсивность их излучения оценивается в 40 млн кюри. Это почти в три миллиона раз больше, чем в результате аварии на упомянутой выше американской АЭС на Трехмильном острове. Большая часть их осела, причем весьма неравномерно, в зоне шириной в несколько десятков километров, вытянувшейся кило-

метров на 150 на северо-запад — вдоль первичного потока радиоактивного дыма — и значительно отличающейся по конфигурации от кругов с центром в Чернобыле, радиусы которых менялись по усмотрению властей. Но значительное количество радиоактивных веществ было вынесено ветрами далеко за пределы страны. Удержать их и уносимую ими информацию ее всемогущие власти оказались не в силах.

* * *

Если бы в Советском Союзе существовала гласность, АЭС типа чернобыльской вообще не были бы допущены к эксплуатации, вернее, даже не были бы построены. Еще десять лет назад в Англии вышла брошюра "Ядерная энергия", в которой особо подчеркивалось, что реакторы типа РБМК ненадежны и "крайне опасны в эксплуатации". А финский специалист А. Пальмгрен сравнил их со стулом, у которого из четырех ножек оставлены две: достаточно небольшого толчка — и он падает.

Как стало теперь известно, многие советские крупные ученые, в том числе акад. А. Д. Сахаров (недаром ему бешеным глушением помешали сообщить по телефону на Запад свое мнение о катастрофе в Чернобыле), и крупнейший специалист по реакторостроению акад. Н. Доллежал, и ныне покойный акад. П. Л. Капица неоднократно пытались в официальном порядке обратить внимание руководителей верхов на опасность АЭС с незащищенными водоохлаждаемыми реакторами "канального" типа с графитовым замедлителем, сооружаемыми к тому же в густонаселенных районах вблизи больших городов. На реакторах Нововоронежской АЭС были установлены защитные колпаки. На это последовал окрик "специалиста по технике безопасности" из Института атомной энергии им. Курчатова, руководимого нынешним президентом АН СССР А. Александровым: "Выброшенные государственные деньги!" И это при том, что стоимость защитного колпака не превышает нескольких процентов стоимости реактора.

Тем не менее какая-то глухая борьба в бюрократических недрах продолжалась. И среди руководящих совтехнократов имелись люди, понимавшие, что ядерная технология должна идти в ногу с веком. Поскольку имеющиеся машиностроительные предприятия не могли удовлетворять ее запросы, миллиарды рублей были вложены в специализированный завод "Атоммаш", строящийся в г. Волгодонске. Но рукоотворное "Цимлянское море" подмыло фундаменты его гигантских цехов. И "Атоммаш" оказался тоже не в состоянии выпускать крупногабаритные из-

делия высокой точности, необходимые для строительства реакторов корпусного типа. Таким образом советская ядерная энергетика оказалась всерьез и надолго ориентированной на безнадежно устаревшую, опасную, но уже освоенную и относительно дешевую технику, главное, способную производить плутоний для атомных бомб. Вовсю развернуто строительство "двухцелевых" кипящих реакторов канального типа с графитовым замедлителем, в том числе и РБМК-1500, в полтора раза мощнее черновильских — и тоже без защитных колпаков.

Отражением победы этого курса явилось интервью, опубликованное в феврале этого года в издаваемом в Советском Союзе на английском языке и предназначенном для зарубежных читателей журнале "Soviet Life". И случилось так, что в качестве образцового примера советского "мирного атома" оказалась выбрана как раз Чернобыльская АЭС имени Ленина.

Министр энергетики УССР В. Склярюв задает мажорный тон: "Вероятность расплавления активной зоны реактора — один случай за 10000 лет... Окружающая среда также надежно защищена".

Ему вторят подчиненные, "отцы города" и "активисты".

Главный инженер АЭС Н. Фомин: "Если даже что-то непредвиденное случится, автоматический контроль и техника безопасности остановят реактор в считанные секунды".

Сколько именно секунд, Фомин не сказал (хотя, наверное, знал, во всяком случае обязан был знать). И как они считаны — тоже.

Инженер по технике безопасности АЭС Н. Бондаренко: "Работа на станции безопаснее, чем вождение автомобиля".

Какого автомобиля? По какой дороге? И, главное, каким водителем?

Председатель горсовета г. Припять (именно там, собственно, и находится Чернобыльская АЭС) В. Волошко: "...чтобы город был чистым и безопасным, как атомная станция!"

"Жительница города" Г. Сычевская: "Мы даже не замечаем, что живем вблизи атомной электростанции".

Если б они знали, что ждет их через каких-нибудь два месяца!..

Но советская атомная мафия отступать не собирается. А то, что среди ее оппонентов числится акад. А. Д. Сахаров, только усиливает ее позиции. Не истекло и месяца после катастрофы, как руководитель проектов Чернобыльской и других ей подобных АЭС член-корр. АН СССР И. Емельянов заявил группе корреспондентов, что конструкция реакторов с графитовым замедлителем вполне надежна и на этой АЭС будут сооружены еще два таких же энергоблока. "Мы не собираемся менять планы установки подобных реакторов вблизи

крупных населенных пунктов", — добавил он. В этом своем невероятно путаном интервью Емельянов подтвердил, что реактор был остановлен через десять секунд (!) после того, как прекратилась подача энергии (куда?!) и высоко отозвался о системе безопасности, принятой на АЭС.

Общезвестно, что при коротких замыканиях отключение аварийных участков электрической сети — от квартир до высоковольтных линий электропередачи — производится за доли секунды уже как бы не сто лет. Почему же для выключения попавшего в аварийный режим гигантского реактора РБМК-1000 (в отличие от его обнинского предшественника) потребовалось целых десять секунд? За это время средний перегрев его ТВЭЛ'ов мог составить сотни градусов при отсутствии охлаждения. А при неравномерном тепловыделении, весьма возможном в аварийном режиме, их локальные перегревы могут быть в несколько раз большими, и включенное на полную мощность охлаждение оказаться уже неэффективным.

Так ли уж хороша система безопасности, при которой реактор выключается лишь после того, как он настолько перегрелся, что загорелся? Или все системы аварийной защиты были действительно выключены, и судьбы множества людей оказались в зависимости от расторопности дежурного техника и определились его "человеческой ошибкой"?

Полагая (или получив установку), что в такой ситуации лучшая оборона — это наступление, а если факты против, то тем хуже для фактов, И. Емельянов заявил, что железобетонные защитные сооружения, возводимые вокруг ядерных реакторов на Западе, вызывают ложное чувство безопасности и "притушивают бдительность". По его словам, никакие меры предосторожности не могут свести на нет последствия катастрофы на АЭС.

Последствия катастрофы, разумеется, не могут. А предотвратить перерастание неполадок в аварию, а аварий в катастрофу — могут, что неоднократно подтверждает практика разработки и эксплуатации АЭС в странах свободного мира⁸.

* * *

Стоимость разрушенного реактора РБМК-1000 по американским оценкам близка к миллиарду долларов. Согласно официальным советским данным, стоимость ущерба, нанесенного непосредственно его катастрофой, составляет два млрд. рублей; почва заражена на площади 1000 км²; недопроизводство электроэнергии сказывается во всесоюзном масштабе. "Захоронение" реактора, дезактивация района катастрофы, меры по защите источ-

ников водоснабжения, устройство эвакуированных из опасной зоны, профилактическое наблюдение за их состоянием и лечение многих из них и т. д., и т. п. обойдутся во многие миллионы (хотя и не миллиарды — как в США после аварии реактора АЭС на Трехмильном острове в 1979 году, не стоившей жизни ни одному человеку) при том, что интересы государства будут, как и во всем остальном, неизменно преобладать над интересами его подданных.

В целом ущерб от катастрофы уже лег на плечи подсоветского населения в виде добровольно-принудительных взносов, субботних отработок и т. п. и безусловно скажется на его жизненном уровне.

Свою программу развития ядерной энергетики в XII пятилетке, должествующую увеличить ее долю с 11% до 21% в общем энергетическом балансе страны, советское руководство, как сказал еще 6-го мая на первой пресс-конференции Б. Щербина, не отменит, несмотря на "инцидент" в Чернобыле. Это означает, что ни о каком закрытии реакторов с графитовым замедлителем речи идти не может.

Возведение защитных колпаков вокруг реакторов без их остановки и консервации вряд ли возможно. А на продолжительную консервацию руководство не пойдет. Менять проекты, заменять каналные реакторы с графитовым замедлителем на корпусные с водяным, поднять общую техническую культуру в ядерной энергетике, не меняя контрольных цифр своих и без того вряд ли выполнимых планов, советское руководство просто не в состоянии, тем более — после провала с "Атоммашем". И даже получение соответствующей технологической информации с Запада — путем краж или легального "обмена" в целях предотвращения катастроф на АЭС — мало что может изменить в этом плане. А подавить любой протест любых "защитников среды" в своей стране советскому руководству не трудно.

Разумеется, будут предприняты определенные меры, предотвращающие (ли?) возможность аварий реакторов, по которой произошла данная катастрофа, но не способные повысить безопасность советских АЭС в целом. Возможно, что будет громко объявлено о "закрытии" нескольких реакторов, выводимых из эксплуатации согласно графику на плановый ремонт.

Как заявил в июле м-це заместитель директора Института атомной энергетики В. Легасов, Чернобыль "заставил нас еще раз пересмотреть концепцию развития атомной энергетики в стране". В чем состоял этот пересмотр — не ясно, но вместо секретарей парторганизаций, "избираемых" по указанию местных партийных органов, на АЭС будут

назначены парторги ЦК КПСС. Бдительные. Стальные и железобетонные. Непробиваемые... Взамен защитных корпусов и колпаков?!

Спешно создано новое общесоюзное министерство атомной энергетики. В его ведении, очевидно, окажутся АЭС, работающие на те же энергосистемы, что и обычные электростанции, принадлежащие республиканским министерствам энергетики и электрификации. Какие при этом произойдут "короткие замыкания" и как они скажутся на общем ускорении технического и экономического прогресса, объявленного XXVII съездом, — будет видно. Но два реактора Чернобыльской АЭС планируется запустить еще в текущем году; а третий, находящийся в одном здании со взорвавшимся и, видимо, поврежденный, — тоже, но еще неизвестно, когда.

* * *

Советские органы пропаганды вопреки всем фактам стремятся убедить население СССР и определенные круги на Западе в том, что реакторы типа чернобыльских вполне надежны и безопасны. Одновременно они используют чернобыльскую катастрофу, чтобы через свою агентуру влияния внушить возможно более широким массам свободного мира страх перед ядерной энергетикой, убедить их в том, что энергия атома — это сила, которую человек не способен контролировать и, следовательно, от нее нужно отказаться, пока не поздно.

Особое озлобление вызывают у советских правителей требования стран Западной Европы о компенсации ущерба, нанесенного радиоактивными выпадениями, — требования, вполне нормальные для цивилизованного мира.

На протяжении многих лет инспирируемые Советским Союзом и арабскими нефтедобывающими странами "пацифисты", "экологисты", "зеленые" всех мастей и иже с ними вели настойчивую борьбу против развития ядерной энергетики в странах свободного мира, мотивируя ее интересами защиты окружающей среды. До последнего времени большого успеха они не имели. Но едва радиоактивное облако долетело до Западной Европы, все они как по команде (явно-таки по команде) подняли неистовую кампанию под лозунгами "Чернобыль — везде!" и т. п., требуя на этом основании немедленного закрытия всех АЭС в своих (!) странах. Весьма симптоматично, что их протесты были и остаются направленными против ядерной энергетики свободного мира, а не Советского Союза, построившего опасные во всех отношениях АЭС и всеми возможными и невозможными

способами пытающегося скрыть происходящее в Чернобыле и от своих подданных, и от мирового общественного мнения. Пуще всего "пацифисты" бушуют в ФРГ, используя в качестве аргументов камни, палки, куски железных труб, поджигая автомашины, громя все, что попадает под руку.

"Эти демонстрации хорошо спланированы и направляются определенными политическими силами", — сообщил 9-го июня этого года пресс-секретарь правительства ФРГ Ф. Ост.

Далеко не случайно и то, что наибольшее озлобление противники АЭС проявляют в отношении реакторов-размножителей, подобных уже действующему "Суперфениксу" под Лионом и строящимся в Катноме (Франция), которые отличаются от чернобыльских РБМК-1000 как небо от земли.

Дошло до того, что демонстранты из группы "Радуга" силой ворвались в зал заседания Европейского Парламента с лозунгами "Радиация не знает границ!" на девяти языках. Охрана выдворила их, не произведя никаких арестов¹⁰.

Нелегальные действия "пацифистов" умело сочетаются с легальными. Сразу же после чернобыльской катастрофы "ободренные" ею представители социалистических партий и западногерманских "зеленых" в Европейском Парламенте с ожесточением выступили против дальнейшего строительства АЭС. Однако центристы и правые четко заявили, что ядерная энергетика сегодня уже неотъемлемая часть экономики европейских стран, и высказались за ее дальнейшее развитие при условии усиления мер безопасности, которые бы позволили предотвратить катастрофы, подобные чернобыльской.

Европейский Парламент значительным большинством голосов рекомендовал дальнейшее развитие ядерной энергетике в странах Европейского Экономического Сообщества.

Эксплуатация и строительство АЭС продолжают. Беспорядки — тоже.

* * *

Итак, как на советскую, так и на западные программы развития ядерной энергетике чернобыльская катастрофа сама по себе вряд ли повлияет существенно. Но ситуация была бы совсем иной, если бы ядерная катастрофа такого масштаба и с такими последствиями произошла в свободном мире, в особенности — в густонаселенных регионах США или Западной Европы. Не исключено, что тогда все левацко-экологические движения превратились бы в доминирующую политическую силу.

Дело отнюдь не только в том, что отказ от использования ядерной энергии и закрытие

АЭС вызвали бы сегодня в свободном мире экономический спад, как бы не больший, чем нефтяной кризис в 1970-е годы.

На гребне истерической антиядерной волны к власти в ряде демократических стран смогли бы прорваться скрытно и явно поддерживаемые коммунистическим миром адепты одностороннего разоружения и детанта любой ценой. Советский Союз сделал бы им навстречу тоже несколько ни к чему не обязывающих и не снижающих его военного потенциала шагов, — и на политической карте мира произошли бы необратимые перемены. И эта заветная мечта кремлевских властителей могла бы осуществиться даже без единого выстрела (последующее превращение ставших красными и сделавших свое черное дело "мавров" в мертвых — не в счет).

Но надеяться на такую случайную катастрофу АЭС — дело гиблое. Тем более, что в ближайшее время техника безопасности предприятий ядерной индустрии Запада будет еще больше усовершенствована.

И потому у советских правителей не могло возникнуть соблазн форсировать эти события при помощи тщательно подготовленной диверсии или ряда диверсий против этих предприятий.

Политическая и психологическая подготовка такого удара уже началась. Убийство крупного специалиста-менеджера атомной промышленности ФРГ д-ра Бекуртца, взрывы в связанных с ней учреждениях и предприятиях свидетельствуют о том достаточно однозначно.

В недавнем письме генеральному секретарю ООН Горбачев призывает к созданию международной системы предотвращения катастроф "типа" чернобыльской (какая "система", да еще без права инспекции и действенных санкций может что-либо "предотвратить"?). Более того, Горбачев утверждает, что на западных АЭС зарегистрировано 42 (!) случая диверсий и предлагает выработать меры по предотвращению "ядерного терроризма". Демагогически призывая МАГАТЭ приложить все усилия к созданию более надежных реакторов, чем существующие (в Советском Союзе? — С. Т.), Горбачев достаточно прозрачно намекает на то, что катастрофа "типа" чернобыльской угрожает любой стране.

Насколько принимают во внимание правительства и соответствующие службы стран свободного мира эту угрозу и успеют ли они принять необходимые меры защиты против "ядерного терроризма" — сегодня уже вопрос крайне серьезный и как бы не судьбоносный.

* * *

Первоначально советское руководство

предпринимало все меры, чтобы скрыть катастрофу. Когда это оказалось невозможным, оно пыталось преуменьшить ее масштабы. Сперва она называлась "аварией" или "инцидентом". Потом — "бедой". Теперь все чаще появляется-таки в советской прессе слово "катастрофа".

Начали писать о героях и даже показывать их по телевидению. Дошли до чудовищного гротеска: умирающий от облучения офицер-пожарник говорит корреспонденту: "Я чувствую душевную радость!.."

Другой героический пример: один из находившихся в отпуске работников АЭС, узнав о происшедшем, помчался на собственной автомашине на станцию. В запретную зону милиция не пропустила частную автомашину — "не положено", но разрешила добираться пешком. Пока дошел — схватил смертельную дозу облучения и погиб ни за понюшку табаку.

Еще на первой пресс-конференции председатель государственной комиссии по расследованию катастрофы Б. Щербина признал, что первоначальная информация, полученная правительством, не соответствовала фактам, выявленным на месте "аварии". Все чаще проскальзывают в печати ссылки на то, что это "беспрецедентный случай", что возникшие проблемы "не изучены" и т. п. Похоже, что многие действия производятся как бы наобум. Появляются сообщения о безграмотных распоряжениях, отданных в разгар катастрофы, вроде, например, указания возить на грузовиках песок для засыпки горящего реактора, в результате чего пострадало много людей. Сообщается о партвыскапаниях — уже вынесенных или еще предстоящих ряду плохо показавших себя в критической ситуации руководящих работников. Заводятся и уголовные дела. Снят ряд крупных чиновников, имеющих отношение к ядерной энергетике. Смещен и окончательно зарпортованный Емельянов.

Директор АЭС В. Брюханов и ее главный инженер Н. Фомин, упомянутый ранее, сняты с должностей и исключены из партии "за неспособность трезво оценить обстановку и правильно организовать работы по ликвидации аварии на ядерном реакторе". Формально — это еще не повод для судебной ответственности. Но затем Фомину были инкриминированы "грубые ошибки, халатность, пренебрежение мерами безопасности" и "проведение опыта на реакторе без соответствующей подготовки и согласия соответствующих инстанций". Действительно, вряд ли кто-либо из чиновников Комитета по атомной энергии, министерств среднего (атомного) машиностроения или энергетике или других государственных организаций взял бы на себя официальную ответственность за указанные

выше опасные опыты — тем более на огромном промышленном реакторе, выполняющем план по производству и энергии, и плутония. Консервативность и перестраховка советских чиновников давно уже стали притчей во языцах. Но почему же руководители Чернобыльской АЭС пошли на такие авантюристические опыты, формально не будучи обязанными их проводить? Ведь не мог, к примеру, столь лихо отвечавший корреспонденту "Soviet life" инженер по технике безопасности АЭС автомобилист Бондаренко не понимать, что такие эксперименты на действующем реакторе с отключенными системами защиты поопаснее езды с бездействующими тормозами в тумане по незнакомой дороге. По какой причине Фомин, так уверенно говоривший о системах автоматического контроля и защиты реактора, решил их отключить при опаснейшем эксперименте?

По телефонному звонку из достаточно высокой партийной инстанции с "рекомендацией" "изыскать возможность...?"

Как известно, эти инстанции вправе только "рекомендовать", но оказаться в их глазах "неуправляемым" — не намного лучше, чем прослыть диссидентом — и означает сегодня немедленный конец карьеры.

Верны ли эти обвинения или опять-таки дезинформация — пока не ясно. Но принцип "партия всегда права" и установка на то, что "катастрофа явилась результатом человеческой ошибки", требуют жертв и пешками, и фигурами — ради сохранения качества, — тем более в нечистой игре.

Но уличающих фактов становится все больше и под их напором приходится сдавать позиции. В интервью японскому телевидению упомянутый выше В. Легасов признал, что катастрофа на Чернобыльской АЭС отчасти объясняется ее конструкцией. Пока отчасти. А дальше будет видно.

* * *

Наряду с прославлением героев пресса бранила и "дезертиров", хотя и в умеренных тонах, предвещавших только конец карьеры — не более.

Очень даже понятно, что когда среди ночи грянул взрыв и над реактором поднялся столб пламени, многие жители Чернобыля, Припяти, расположенного у самой АЭС Поселка энергетиков и ближайших сел смогли (иные — с помощью заблаговременно вынесенного со станции дозиметра), в отличие от начальства, "трезво оценить обстановку". И попытались оставить опасную зону до того, как она будет объявлена таковой властями и, возможно, закрыта для въезда и выезда.

В середине июня газета "Правда" сообщила

о срочной необходимости замещения вакантных должностей на Чернобыльской АЭС. Она признала, что значительная часть инженерно-технических (то есть наиболее технически грамотных — С. Т.) работников АЭС, включая даже одного из заместителей ее директора, покинула ее сразу же после "аварии" и до сих пор неизвестно, где они находятся (в частности, из 2614 коммунистов г. Припяти неизвестно местонахождение 177 человек). Укрываются ли они, не столько страшась ответственности, сколько не желая возвращаться в радиоактивную зону, или же, получив во время бегства многократно смертельные дозы облучения, попали в первые же часы катастрофы в "могильники" для радиоактивных отходов в качестве "неизвестных лиц", — кто может знать...

* * *

Из опасной зоны, протянувшейся от Чернобыля в глубь Юго-Восточной Белоруссии, эвакуировано около 100000 человек. "У них было очень мало времени на сборы, — признает советская пресса. — Они выехали, не взяв с собой почти ничего из вещей". Некоторые из них оказались и без документов. Многие не могут получить причитающуюся им пенсию, "положенные" талоны на дефицитные продукты и пр. А единовременное пособие атомным "погорельцам" составляет 200 рублей, чуть больше средней месячной зарплаты. Когда удастся вернуться им домой и удастся ли вообще — неизвестно. Из Киева, Гомеля и других мест было вывезено более 300000 детей с такой поспешностью, что многие родители продолжительное время не могли узнать, где они находятся.

Положение остается весьма напряженным. То прорывается собранный было радиоактивный раствор, то радиоактивные вещества проникают в подпочвенные воды. Из разрушенного реактора продолжают излучение и утечка радиоактивных веществ, хотя и в более слабой степени.

Сооружение "саркофага" вокруг него и "захоронение" радиоактивных выбросов подвигается медленно. Для земляных и строительных работ в опасной зоне доставлено много заключенных. Вряд ли кто-нибудь из них останется в живых¹¹.

Под Киевом бурят глубокие артезианские скважины, прокладывая к нему водоводы от Десны. На рынках Киева давно уже разрешена торговля многими видами сельскохозяйственных продуктов, проверенных на радиоактивность. Покупатель тоже может проверить их там же у дозиметриста, чей прибор неизменно показывает, что все в норме. Никому в проверке не отказывают,

но одной американской туристке отказали. И неспроста. Как-никак обнаружили дозиметрические службы иностранных посольств недопустимый уровень радиоактивности в пищевых продуктах, приобретенных в Москве.

* * *

Многое, очень многое остается об этой трагедии неизвестным. И советское руководство приложит все усилия, чтобы возможно дольше сохранить ее тайны. Изучающим советский официальный отчет о чернобыльской катастрофе отделить истину от дезинформации будет весьма не просто. Когда-нибудь через железный занавес вырвутся воспоминания переживших трагедию ее участников; документы, относящиеся к ней, к ее прямым и косвенным причинам и последствиям; не разрешенные к обнародованию мнения специалистов и т. д. Но для этого нужно время.

* * *

Существует достаточно распространенное мнение, что над несчастьем грешно смеяться. Над несчастьем, возникшим по воле непреодолимых стихийных сил, и пострадавшими от него, — да. Но чернобыльская трагедия — не стихийное бедствие. Она целиком и полностью рукотворна. Она — плоть от плоти порождение социалистической системы, все пороки которой отразились в ней, как в капле воды. И потому она вызывает не только боль, но и горечь, и непреодолимое возмущение, которые, разумеется, невозможно там выразить открыто.

В условиях полной и абсолютной политико-идеологической монополии правящей силы общественное мнение легче всего находит выражение через анекдотный фольклор, который, кстати, не исчезал в Советском Союзе даже в самые страшные сталинские времена. И реакция подсоветского общества на чернобыльскую катастрофу тоже нашла свое выражение этим путем. Сразу же после нее, еще в мае этого года появились "чернобыльские" анекдоты. Число их продолжает расти и уже достигло нескольких десятков. Этот "черный юмор" очень мрачен, зловещ, жесток и циничен. Отражая ситуацию страха, общей дезинформированности и безнадежности, он не смешит, а вызывает своеобразный "антисмех".

Неведомые авторы анекдотов — явно люди компетентные. Анекдоты с удивительной точностью раскрывают основное предназначение советских АЭС, их моральную техническую устарелость, причины катастрофы,

взгляд общества на ее последствия, настроение общества и его отношение к ответственным за нее правителям. Желчно и язвительно они издеваются над попытками советской пропаганды скрыть истинную ситуацию в зоне бедствия, масштабы опасности, число жертв и материальный ущерб. С горьким сарказмом отражается в них советское настоящее и ужасом веет от прогнозов на будущее. Именно в них прозвучало первое предупреждение свободному миру об угрозе советского террора против его АЭС.

Мы приведем здесь некоторые из этих анекдотов.

1. Первомайское интервью "Ереванского радио".

— Погашен ли уже пожар на реакторе или еще продолжается?

— Уже погашен, хотя и продолжается.

— Каков уровень радиации?

— Уже снижается, хотя и продолжает нарастать.

— Предназначался ли этот реактор для производства ядерного оружия или и для мирных целей?

— Для производства ядерного оружия, предназначенного и для мирных целей.

— Как и когда он был построен?

— Построен дешево и сердито по последнему слову техники вчерашнего дня. Закончен на третьей смене в понедельник в конце квартала. Все остальное — государственная тайна.

— Много ли пострадавших?

— Двое погибших и восемнадцать раненых (только из номенклатуры).

— Почему так долго не сообщали о катастрофе?

¹Как стало теперь известно, почти за сутки до того, как радиоактивное облако достигло Швеции, гидрометеостанция в Мазовии (Северо-Восточная Польша) зарегистрировала огромное повышение радиации. Сразу же после переданного в Варшаву по служебному каналу сообщения станция была "захвачена" прибывшими на вертолете военными и ее аппаратура опечатана. По инициативе польских властей? Или по требованию советского руководства, уже знавшего, в чем дело?

²Строго говоря, впервые действующий макет экспериментальной АЭС мощностью в 150 Квт был испытан в США в 1951 году.

³Как сообщает канадский специалист Маккейлер, аварии гидротехнических сооружений в свободном мире за последние 25 лет стоили жизни тысячам лю-

— Не знали куда ветер подует.

— Как воспримут народы Восточной Европы выпавшие в их странах радиоактивные осадки?

— Как братскую помощь, оказанную в кредит.

— Существует ли опасность и для западных стран?

— Да, если ветер с востока дует над ветром с запада*.

— Может ли подобное произойти и на Западе?

— Да, если это запланируют на Востоке.

— Почему произошла катастрофа?

— Потому что цепная реакция пошла курсом ускоренного развития.

— Какие уже можно сделать выводы?

— Советское излучение — самое проникающее в мире.

— Стоит ли перенести переговоры о разоружении из Женевы в Хиросиму?

— Может быть и стоит, но лучше в Чернобыль.

2. Черная быль продолжается.

На дороге в Чернобыль щит: "Опасная зона. Въезд воспрещен". Рядом старый плакат: "Мирный атом — в каждом доме".

— Что такое миллирентген?

— Это рентген, пропущенный через советскую телевизионную программу "Время".

— Будут ли строить в Союзе защитные сооружения вокруг реакторов?

— Да. Если не до взрыва, так после.

*Известное изречение Мао Цзе-дуна.

дей; а только за 1984 год в результате аварий на производствах, связанных с теплоэнергетикой, погибло более 1400 человек. Другое дело, что к этому злу давно уже относятся как к неизбежной плате за блага, предоставляемые техническим прогрессом, — так же, как к автомобильным и др. транспортным катастрофам.

⁴Сходная ситуация сложилась через несколько лет в европейской части СССР и странах Восточной Европы.

⁵Симптоматично, что все эти АЭС строятся на приличном расстоянии от Москвы, потребляющей огромные количества электро- и тепловой энергии.

⁶Именно так взрывается "Таинственный остров" в одноименном романе Жюль Верна.

⁷Некоторые специалисты полагают, что в первые часы после взрыва уровень радиации вблизи реактора мог превышать 1000 рентген в час. Безусловно смертельная доза однократного облучения для человека составляет 600–800 рентген.

⁸В 1969 г. во Франции, в Сен-Лоран-лез-О, произошла серьезная авария реактора, сходного по своей конструкции с чернобыльскими (тогда еще такие реакторы эксплуатировались на Западе). Но радиоактивные вещества из него выброшены не были и никто не пострадал. Катастрофы удалось избежать именно благодаря хорошо разработанной системе защитных сооружений. Судя по мощности взрыва на чернобыльском реакторе, катастрофа не произошла бы, будь он защищен таким же образом.

⁹27-го июня с. г. одна голландская газета, ссылаясь на польского физика, случайно услышавшего эту "тайну" в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне (под Москвой), сообщила, что катастрофа на Чернобыльской АЭС произошла при попытке на ходу реактора ввести в него ТВЭЛ (или ТВЭЛ'ы) с повышенным обогащением урана его легким делящимся изотопом. Этот весьма опасный (ввиду малой устойчивости реакторов типа РБМК) эксперимент был, якобы, предпринят по прямому указанию президента АН СССР Александрова. Но по новой, уже официальной, версии причиной катастрофы оказались непредусмотренные, не подготовленные и не согласованные с соответствующими инстанциями эксперименты (!) по определению возможности продолжить после аварийной остановки реактора работу связанного с ним турбогенератора в течение нескольких десятков секунд, сопровождающиеся манипулированием расхода воды через реактор при отключенных системах контроля и защиты. Поскольку вода тоже

и замедляет, и поглощает нейтроны, а пар — вследствие меньшей плотности — гораздо слабее, такая манипуляция на **работающем кипящем реакторе** подобна жонглированию, стоя на (упомянутом в приведенном д-ром Пальмгренем сравнении) колченогом стуле, поставленном на краю отвесного обрыва.

Не исключено, что оба сообщения являются дезинформацией, имеющей целью подтвердить безопасность советских реакторов при условии их **правильной** эксплуатации.

¹⁰Неделей раньше несколько жителей г. Припять явились без всяких лозунгов в правительственные и партийные инстанции г. Киева, чтобы выяснить у высокого начальства детали сложившейся ситуации, и, по словам газеты "Советская Россия", "вели себя недостойно". "Некоторые из них пытались учинить скандал, и к бузотерам пришлось применить соответствующие меры воздействия", — сказал в интервью заместитель министра внутренних дел УССР генерал Г. Бердов.

20-го мая с. г. Лариса Чукаева и несколько других участников независимой группы "Доверие" были схвачены в Москве агентами КГБ еще до того, как успели развернуть плакаты с требованием закрыть все АЭС. Теперь Чукаева в тюрьме. Ранее она была лишена материнских прав за участие в этой группе, а ее ребенок отдан в детдом. Муж ее Александр Чукаев отбывает десятилетний срок заключения за попытку организовать социал-демократическую партию. Ожесточенным преследованиям подвергаются и остальные члены группы "Доверие".

¹¹На урановых рудниках и других работах "особой вредности" в Советском Союзе погибло заключенных гораздо больше, чем жителей Хиросимы и Нагасаки от американских атомных бомб.

В. ПИРОЖКОВА

НОВАЯ ОПЕРАЦИЯ "КИЛЕВАНИЯ"?

В Соединенных Штатах происходят страшные события: граждан США, живущих в США и там честно работавших в течение десятилетий, лишают американского гражданства и выдают в коммунистические страны.

Прежде всего коснемся принципиального вопроса о лишении раз дарованного гражданства. В отделах министерств внутренних дел, занимающихся вопросом присвоения гражданства человеку, подавшему прошение, должны быть рассмотрены внимательно все данные кандидата. Если занимавшиеся этим делом комиссии не провели тщательной проверки, то это их вина. В Англии дарованное гражданство принципиально не отнимается и, если новый гражданин оказывается недостойным, страна считает, что она сможет справиться с этим обстоятельством. За действительные преступления такого человека судят в стране и по законам страны, а не выдают его в другие, да еще тоталитарные страны. Мало ли имеется прирожденных американцев,

которые совершают страшные, не, только просто уголовные, но и государственные преступления? Их гражданства не лишают и судят по законам страны. Разве в США существует два сорта граждан? Прирожденные и благоприобретенные, причем последние — граждане второго сорта? А из кого состоит теперешняя Америка? Сколько прирожденных граждан (индейцев) теперь еще осталось? И не являются ли они гражданами третьего сорта? Так с какой же даты начинается счет? Не достойней ли бы было для великой державы взять последствия ошибки — если при присвоении гражданства произошла ошибка — на себя, а не мстить маленькому человеку, не имеющему шансов перед машиной всемирной державы? Это не значит, что не надо судить тех, кто действительно виновен в преступлениях, но судить их следует в стране и по законам страны. Так это делается во всех западных странах Европы.

Это первое положение. Второй вопрос: за

что лишают гражданства? Многих за то, что они что-то скрыли, когда это гражданство получали, вернее, по обвинению в том, что они якобы скрыли. Но есть и исключения. Хорват Артукович ничего не скрывал. Коммунистическая Югославия в 50-х гг. неоднократно добивалась его выдачи. Но его не выдали. Дождались, когда он стал 86-летним стариком, больным, почти потерявшим память, и тогда на носилках понесли его на выдачу и, вероятно, на носилках же понесут на расстрел. Описание Орлова, как больного Зиновьева по приказу Сталина на носилках несли на расстрел, возмущает душу, хотя Зиновьев был страшным преступником и расстрел заслужил (правда, расстреливал его преступник уж никак не меньший). Но носилки претят нормальному человеческому восприятию. Так то же ведь был Сталин! А теперь демократический суд великой державы. Артукович был министром внутренних дел независимой Хорватии во время войны. Тогда было убито много евреев и много сербов, но и много хорватов со стороны сербов, а больше всего убивал всех: и хорватов, и сербов, и евреев — Тито со своими коммунистами. Сербских четников расстреливали наспех и полуживых бросали в ямы и закапывали. Югославская Чека и до наших дней убивает эмигрантов, сербов и хорватов, в Западной Европе. Тито был процентуально к числу населения своей страны не меньшим массовым убийцей, чем Сталин. Но западные государственные деятели ездят в Югославию и торжественно возлагают венки на могилу массового убийцы, а полуживого Артуковича отдают под "суд" наследникам этого массового убийцы. Мы не утверждаем, что Артукович не возложил на себя огромной вины, но тогда не надо было его принимать в США, он не скрывал ни своего имени, ни своего прошлого. Или его надо было давно судить в США. Что это за зигзаги в юридической политике (а иначе как политикой ее не назовешь) великой державы?

Мы начали сознательно с человека, который, судя по всему, участвовал в тяжких преступлениях, хотя бы и "лишь" за письменным столом, что, возможно, хуже непосредственного участия в убийствах.

Перейдем теперь к тем, которых обвиняют в непосредственно совершенных убийствах, но вина которых (или многих из них) весьма сомнительна. Это приведет нас от проблемы лишения гражданства и принципиальной сомнительности такого акта к методам получения материала для обвинения в сокрытии перед комиссией преступлений или проступков. Мы идем сознательно от наиболее тяжких обвинений к обвинениям, которые в наших глазах вообще не обвинения. Но об этом позже.

В 1979 г. президент Картер создал Бюро для специальных исследований, которое должно было заниматься розысками нацистских преступников. Это Бюро не нашло ничего лучшего, как искать "документы" в коммунистических странах. Для КГБ это было, конечно, находкой, для него было нетрудно снабдить это Бюро любимыми "документами". Наконец-то пришла пора разделаться со столь ненавистными коммунистам эмигрантами второй волны! В советском украинском журнале "Жовтень" за октябрь 1982 г. появилась статья В. Антоненко под знаменательным заголовком: "Тише, эмигранты!" В этой статье Антоненко описывает посещения СССР группой прокуроров из США во главе с тогдашним помощником директора этого Бюро (теперь директором) Нилом Шером. Антоненко пишет: "С этой группой прокуроров мы работали в полном контакте, без каких-либо недоразумений. Все было сделано в полном согласии. Они с благодарностью покинули нашу страну".

Первый нацел сделан преимущественно на украинцев. Ряд их уже выдан. Нам не удалось собрать всех сведений о выдачах, некоторые, кажется, совершились в тиши. Широкую огласку получили выдачи Демьянюка Израилю и Федоренко СССР.

В статье "Покачать преступников!" в советском журнале "Неделя" № 16 за 1986 г. Валентин Цуркан сообщает о кампании, проводящейся на Украине, где "трудящиеся" требуют, как это полагается в СССР, выдачи и кары для ряда лиц, называемых по именам. В числе названных митрополит украинской автокефальной православной Церкви Мстислав и преподаватель Мичиганского университета Степаненко. Конечно, указанием на приблизительно десяток лиц дело не кончится, если удастся получить их в свои руки, последуют новые списки. Уже и теперь есть сведения о списке с 70 именами украинцев.*

В той же статье Цуркан пишет: "Материал на Демьянюка и многих других преступников, осевших в США, был передан советскими юридическими органами Бюро специальных расследований, созданному в 1979 г. в министерстве юстиции США. Представители этого Бюро неоднократно приезжали в СССР, в частности, присутствовали при допросах свидетелей, проживающих на Украине, и положительно оценили компетентность и помощь коллег из Советского Союза. Руководитель Бюро Нил Шер заявил, например, что доказательства, полученные от советской проку-

* До нас только сейчас дошло сообщение немецкого журнала "Шпигель" (№ 25), что СССР требует уже выдачи 150 человек (пока), какой национальности не сообщается. И что опрос советских "свидетелей" американскими юристами снимается на фильм советами. (В. П.)

ратуры, являются более квалифицированными, чем те, которые могут представить агентства США". Ну еще бы, никакие агентства США не смогут сфабриковать таких квалифицированных фальшивок, как это умеет делать КГБ. В этом мы не сомневаемся.

В "Новом Русском Слове" от 9 мая с. г. была прекрасная статья А. Альмога "Еще раз о "сроке давности". Альмог пишет: "Я не знаю, виновен ли Иван Демьянюк. Тот факт, что все обличающие его документы пришли из Москвы, включает передо мной красный свет опасности. Осторожно! Фальшивка КГБ!"

К сожалению, оппоненты Альмога в той же газете не нашли нужным отметить это предупреждение. Возражали ему лишь на его допущение срока давности и для подлинных преступников. Мы не будем здесь затрагивать проблемы срока давности, наше внимание сосредоточено на "документах" из Москвы или с советской Украины, что одно и то же. К сожалению, в той же газете Шимон Черток, не приняв во внимание предупреждения Альмога, в статье "Демьянюк в треблинском аду" (от 31 мая с. г.) почти что вторит советской "Неделе" и восхищается поездками американских прокуроров в коммунистические страны за "документами": "До 1983 г. его (т. е. известное Бюро — В. П.) возглавлял Ален Райан, не раз выезжавший по своей работе в Израиль, СССР, Польшу, Румынию, Венгрию, ФРГ". Журнал Дартмунского колледжа в номере за январь-февраль 1981 г. сообщает, что при своем посещении СССР Райан встречался там с генеральным прокурором СССР Романом Руденко, страшным человеком и уж наверно гораздо большим преступником, чем десять Демьянюков. Кстати, Шимон Черток в своей статье уже осудил Ивана Демьянюка, хотя израильские судебные власти просили не осуждать его до вынесения приговора. Но что за дело бойкому журналисту до желания суда правового государства! Между тем "документы", осуждающие Демьянюка, все яснее выявляются как фальшивки. "Русская Мысль" в номере от 8 апреля уже указывала, что СС-овский документ Демьянюка — очень грубо сделанная фальшивка. А теперь "Новое Русское Слово" от 18 июля с. г. написало: "Демьянюк и поддерживающие его версию лица, в число которых входит директор отдела связи Белого дома Патрик Бьюкенен, считают, что удостоверение, датированное 1942 г. и свидетельствующее о том, что Демьянюк служил в Треблинке надзирателем, было подделано КГБ в целях дезинформации. Израильский судья, изучивший это удостоверение, также выразил сомнение в его подлинности". НРС сообщает также, что ближневосточный корреспондент газеты "Нью-Йорк пост" считает, что дело Демьянюка может кончиться освобождением.

Свидетели тоже не уверены, да и кто может быть абсолютно уверен, что этот старик и есть тот молодой человек, который почти полвека тому назад лютовал в Треблинке. Мы высказываем уверенность, что в случае сомнения израильский суд применит старое правило: *in dubio pro geo*.

Иначе обстоит дело с Федоренко, который был выдан в СССР, где нет справедливого суда и где он будет расстрелян, независимо от того, виноват ли он в убийствах или же только в "измене социалистической родине", в чем он признался (в убийствах он не признался) и в чем мы его винить никак не можем. Для нас "измена" Сталину и тоталитарному террористическому коммунизму не есть измена родине (разве что социалистической!). И слово "измена" мы пишем в кавычках, т. к. верными Сталину или коммунизму мы вообще никогда не были. Нам и изменять ему не приходится. А нашей истинной родине мы не изменяли.

Между тем Отдел (или Бюро) спецрасследований уже не раз срывалось, и суд должен был оправдать тех, на кого в КГБ были написаны "документы". В. Самарин, "делом" которого мы закончим эту статью, сообщает о следующих случаях. В тяжких преступлениях был обвинен адыгеец Черим Собцоков. Пять протоколов с допросами "свидетелей" пришли из Краснодара. "Свидетели" клялись, что видели сами, как Собцоков расстреливал невинных людей. Но у самих советских органов произошла неувязка, возможно, она спасла Собцокова: на запрос адвокатов в посольстве СССР в США был получен ответ, что министерству иностранных дел о протоколах ничего не известно. Да и суд в США ясно видел, что протоколы — грубые фальшивки. Отдел спецрасследований истратил на "дело" Собцокова около двух миллионов долларов, но вынужден был отказаться от дальнейшего судебного преследования и даже принести Собцокову публичное извинение. Не добившись выдачи эмигранта на расправу, соответствующие органы расправились с ним иным путем: в августе 1985 года в дверь дома Собцокова была подложена бомба. Собцоков был тяжело ранен и скончался в больнице, более легко ранены были его жена и внучка.

"Нью-Йорк Таймс" от 1 мая 1983 г. сообщил о том, какой кошмар начался для эмигранта Франка Валуса, когда его обвинили в том, что он скрыл свою службу в гестапо. Но и эти обвинения были ложные, Франку Валусу было принесено публичное извинение и его попросили забыть то, что произошло. Но забыть такие вещи не так-то легко.

В статье "Преследование нацистов КГБ использует в своих целях", помещенной в газете "Филадельфия инквйер" от 23 мая 1983 г., Уоррен Роджерс указывает на ряд

известных ему дел, когда были использованы фальшивки КГБ. "Одно дело, — пишет Уоррен Роджерс, — связано с именем украинского героя-диссидента Валентина Мороза, нашедшего убежище в США после длительного тюремного заключения и истязаний в Советском Союзе, другое — с именем Георгия Шимко, тоже украинского эмигранта, ставшего членом Канадского парламента. КГБ приписывает им совершение военных преступлений в то время, когда Морозу было одиннадцать лет, а Шимко — восемь".

Мы хотим обратить внимание той части третьей волны — мы уверены, что это лишь незначительная ее часть, — которая ликует по поводу того, что представители Отдела спецрасследований ездят в СССР и добывают там фальшивки (иногда, конечно, и настоящие документы, подмешанные в фальшивки, в этом и заключается метод дезинформации). Сейчас эти представители третьей волны радуются, потому что преследованию подвергаются эмигранты второй волны. Но вот мы видим, что уж задеты и третьи, как, например, Мороз и Шимко. Тот же, кто в военное время даже еще не родился или, будучи евреем, не может быть обвинен в сотрудничестве с нацистами (хотя были в сугубо исключительных случаях и такие отдельные евреи или полуевреи), то ведь можно же и наделать фальшивок, обвиняя в уголовном преступлении, совершенном на территории СССР и якобы только теперь открытом "славными органами расследования СССР". И как раз тот, кто теперь ликует, может незначитель оказаться прежде всего в таком положении, как известно: мавр сделал свое дело...

О Владимире Самарине уже много писалось в русской прессе. Его "дело" тянется очень давно и отличается от выше рассмотренных тем, что его обвиняют в том, что согласно нормальным юридическим нормам не может быть составом преступления. Даже "Новое Русское Слово" отметило, что в данном случае впервые судят за статьи, притом написанные больше 40 лет тому назад. То же "Новое Русское Слово" ставит вопрос о возможной депортации В. Самарина и спрашивает: но куда же депортировать эмигранта из СССР? (4 июня 1986 г.) Как "куда"? Туда, откуда достают "документы" американские прокуроры, в "империю зла", по словам президента Рэйгена. Как раз этой опасности следует противостоять и делать это должна, по нашему мнению, вся эмиграция всех волн, если она антикоммунистическая.

На каждом заседании суда над В. Самариным сидел "от звонка до звонка" представитель "советской юстиции", т. е. КГБ, и в перерывах американские прокуроры совещались с ним. Вот это-то и является **абсолютно невыносимым** положением, независимо

от личности обвиняемого. Американская юстиция закрывает глаза на то, что Советский Союз и другие коммунистические страны не являются правовыми государствами и что **нельзя** сотрудничать с ними в юридических вопросах так, как сотрудничают между собой правовые государства. В Европе это знают. И непонятно, что США за почти 70 лет не поняли этого очевидного факта.

Так как судить за статьи, да еще написанные почти полвека тому назад, нельзя (в США изо дня в день пишутся, улы, страшные антисемитские статьи и печатаются, никто за них не судит, в Германии это было бы невозможно, немецкие антисемиты печатают свои "материалы" в США), то суд лишил В. Самарина гражданства за якобы сокрытие им ряда фактов его жизни. В очень туманно и неясно составленном приговоре говорится об опросах ИРО беженцев сразу же после окончания войны. Что это были за опросы, мы все хорошо помним, но об этом поговорим как-нибудь позже, в другой статье. Во всяком случае, протокола опроса В. Самарина (это его литературный псевдоним, настоящая фамилия Соколов) не сохранилось. Поэтому суд исходил из предположения, что если бы В. Самарин сказал тогда все о своей журналистской деятельности при немецкой оккупации в Орле в газете "Речь", то ИРО не приняло бы его как человека, которому надо оказать поддержку, а если б ИРО не приняло, то ему не дали бы визы в США и не дали бы потом гражданства. Но как можно выносить приговор на основании **предположений**!?

Кроме того, когда В. Самарин получал визу в США в 1951 году и когда получал гражданство в 1957 г., он о своем сотрудничестве в "Речи" говорил. Но, пишут в приговоре, он не упомянул содержания статей. Ну, а если этим даже не интересовались? С неодобрением в приговоре упоминается, что по распоряжению американского правительства с 1950 г. обращалось больше внимания на то, был ли человек, желающий получить визу в США, коммунистом. Так что же, В. Самарин должен был навязывать членам комиссии данные, о которых последние даже не спрашивали? Ему даже ставится в вину, что он в своей книге воспоминаний описал не все факты своей жизни. Но где же и когда мемуары какого-либо человека считались юридическим документом? Где и когда требовалось от автора, чтобы он писал книгу как анкету в политической полиции?!

В конце концов в приговоре констатируется, что "его (Самарина) ум и сердце были на стороне неприятеля". Какого? Того, которого нет уже 41 год? Уже 41 год главным и страшным неприятелем не только США, но и всего мира, сохранившего еще свободу и достоинство человека, является международ-

ный коммунизм и прежде всего Советский Союз. Да он и всегда был на самом деле главным неприятелем, хотя зверства национал-социализма и заслонили на время этот факт от взора многих. А никто не мог уличить В. Самарина в том, что его ум и сердце на стороне этого страшного врага.

Что знают благополучные американские судьи о страшном сталинском времени, о том, как хотелось высказаться после того нечеловеческого давления, страха, ужаса, которые испытывало большинство непосредственно перед Второй мировой войной! Да, было немало неправильных высказываний, ошибок, заблуждений — а откуда было взять информацию? Обратимся опять к прекрасной и благородной статье А. Альмога. Он пишет: "Я предлагаю каждому, кому сегодня за шестьдесят, покопаться в своей памяти. Я убежден, что он наверняка обнаружит там много такого, за что ему сегодня будет мучительно стыдно и больно". Мы еще раз оставляем в стороне проблему срока давности для убийц (в предположении, что дело идет о действительных убийцах, а не об оклеветанных напрасно), но судить за статьи после более чем 40 лет, даже если в них было ошибочное и просто плохое, абсурдно. Тогда ни одного бывшего советского журналиста нельзя впускать в свободные страны и, тем более, давать ему гражданство, т. к. сколько такой человек написал лжи, клеветы и другой дряни и совсем еще недавно, а не 45 лет тому назад, в дни молодости, в годы смуты и страшных событий, зажатый между двумя страшными режимами Сталина и Гитлера!

За 40 лет своей журналистской деятельности после войны В. Самарин не опубликовал ничего антисемитского, хотя в США, как мы указывали, такие возможности были и есть. Больше того, даже в приговоре указывается,

что были опрошены двое коллег В. Самарина по Йельскому университету, которые были знакомы и лично с ним, часто встречались. Они свидетельствовали, что и в личных разговорах В. Самарин не делал никаких антисемитских высказываний, напротив, он был настроен скорее произраильски. Это и понятно для антикоммуниста, т. к. Москва делает ставку на арабскую карту.

Ну, а приписать "сочувствие неприятелю" можно, конечно, каждому, кто бежал от коммунизма во время войны. Ведь бежали-то мы вместе с немецкой армией, с какой же еще нам было бежать? Может быть, в США скоро одного этого факта будет достаточно, чтобы "пришить" дело? "Был бы человек, а статья найдется" — мы-то думали, что это может быть лишь в "стране победившего социализма".

Между тем кампания, идущая сейчас в США, уже довольно широка. Мы не могли упомянуть всех. Так, например, выдали коммунистам румынского епископа Трифу, мы даже не знаем, в чем его обвиняли. Нависла угроза над эстонцем Карлом Линнасом. Но обо всех мы и не знаем.

Закончим словами уже упомянутого нами советника Белого дома Патрика Бьюкенена: "Я считаю, что это какой-то орвелловский и кафкианский мир, когда американских граждан депортируют в СССР за коллаборацию с Адольфом Гитлером, в то время как правительство СССР было самым главным коллаборантом Гитлера в развязывании Второй мировой войны". Лучше не скажешь.

В. Д. Соколов-Самарин обжаловал в высшей инстанции приговор, лишивший его американского гражданства. Ему нужны снова деньги на адвоката. Чеки можно посылать по адресу: Congress of Russian Americans, Inc. P. O. Box 818, Nyack, N-Y 10960 USA.

СООБЩЕНИЕ

ОБ УХУДШЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В СССР И ОБ УСИЛЕНИИ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ

Основная волна усиления репрессий в СССР началась примерно два года тому назад, и она продолжает нарастать, явно по новым указаниям Горбачева.

Мы даем лишь краткие, обобщенные сведения об этих репрессиях и новых законодательных актах властей СССР.

1. В лагерях СССР бараки отделены теперь друг от друга запретными зонами, колючей проволокой, и общение заключенных из раз-

ных барачков в нерабочее время запрещено. За попытки общения строго наказывают. Режим в лагерях приближен к тюремному.

За любое мелкое нарушение режима (не встал при приближении надзирателя, не постриг наголо волосы, ношение ермолки религиозными евреями, обладание религиозными книгами, ношение одежды нелагерного образца, попытка отправить нелегальное письмо, невыполнение нормы на работе и т. п.) заключенных лишают свиданий, права по-

купки в ларьке продуктов (на три рубля в месяц), переписки или бросают в карцер. Если раньше карцер мог быть назначен лишь на десять дней, то теперь есть новинка: после десяти дней могут продлить еще на пять-десять дней этот срок, а потом еще и еще...

В ледяном помещении, без кровати (доска на ночь, и ее кладут на покрытый льдом бетонный пол), без одеяла, в тонком нижнем белье, на пониженном питании (миска супа из гнилых овощей раз в три дня), без медицинской помощи — это практически равносильно смертному приговору, так как воспаление легких и последующий туберкулез неизбежны.

У нас все прибавляются адреса специальных лагерей для лагерных инвалидов, куда посылают умирать тех, кто не может работать на советскую власть. Описание этих лагерей вызывает ужас: на общих нарах гниют полугруппы, не могущие обслуживать себя, лишённые сил выйти в уборную... Об этом опубликованы уже подробные материалы вырвавшимся на свободу бывшим заключенным-инвалидом Фелеловым.

2. Ранее администрация лагерей имела право помещать заключенных "за нарушение режима" в ПКТ ("помещение камерного типа" — внутренняя тюрьма в лагере) на срок до трех месяцев. Теперь этот срок продлен до одного года.

В этих внутренних лагерных тюрьмах пониженное питание, но заключенный обязан работать как на обычном пайке.

Кроме того, администрации разрешено за "лагерные нарушения режима" осуждать заключенных лагерным спецсудом на срок до трех лет с отправкой на спецстрогий тюремный режим (например, в тюрьму города Чистополя и ряд других); этот срок входит в ранее вынесенный приговор.

Но вот появились в Уголовном кодексе РСФСР новые статьи №№ 188 и 191, разрешающие специальным судам осуждать находящихся в лагерях на новый срок, не входящий в предыдущий приговор. Это дает администрации право не выпускать на свободу неугодных ей заключенных под предлогом "неисправившихся нарушителей режима" и держать их в лагерях, по сути, бессрочно.

Вот перечень лишь нескольких жертв этого нового закона:

— Микола Горбаль (деятель украинского освободительного движения) получил дополнительно три года лагерей в 1984 году по суду в лагере;

— Самуил Эпштейн, математик, арестованный за деятельную помощь политзаключенным, осужден в 1985 году дополнительно на два года в канун освобождения.

— Михаил Кукобака, рабочий, уже отбывший два срока по три года за "устные высказывания против советской власти", по-

лучил дополнительно семь лет лагерей по спецсуду в лагере.

— Мераб Костава, музыкант, осужденный ранее дважды за участие в группе по защите прав человека, опять осужден в 1985 году на два года строгих лагерей.

— Виктор Гринев, отказавшийся от советского гражданства и осужденный за это на три года, осужден спецсудом еще на полтора года строгого режима.

— Александр Шатравка, осужденный в 1982 году на три года лагерей за сбор подписей под петицией о разоружении, получил еще два года "за продолжение политической деятельности в лагерях".*

Список таких новых осуждений велик: Н. Батулин, Я. Скорняков, А. Козорезов, Н. Бойко, М. Хорев, М. Жихарев — повторно осуждены в лагерях за веру в Бога.

Этот новый закон показывает, что советские власти не хотят выпускать из концлагерей "неисправившихся". Мы и ранее сообщали, что власти СССР, нарушая собственный закон, предусматривающий предельный срок осуждения пятнадцать лет, держат заключенных в лагерях и тюрьмах по двадцать-тридцать лет: Ю. Шухевич — 32 года, М. Сорока умер после 23 лет лагерей, Владимир Шелков умер после 28 лет лагерей и сидел только за веру в Бога — "верил без регистрации".

3. Месячный расход на питание заключенных, как мы ранее сообщали уже более подробно, колеблется от пятнадцати до восьми рублей на человека.

Теперь администрация явно получила разрешение снижать нормы питания в тех случаях, когда сочтет это нужным, для доведения заключенного до отчаяния.

Так, например, стал известен ряд случаев незаконного снижения нормы питания в карцерах: пищу иногда не выдают произвольно по несколько дней и доводят заключенных иногда до самоубийства или совершения преступлений в камере.

Вот выдержка из письма заключенного К. Борисова об одном из таких происшествий: "Я был брошен в карцер и пробыл там шесть месяцев. Вначале пищу (суп и 200 граммов хлеба) выдавали регулярно раз в три дня. Потом начальник режима лейтенант Данилов велел сократить мне выдачу пищи, "как неработающему паразиту", и мне начали давать суп (воду с гнилыми овощами) раз в неделю. После шести месяцев я просто озверел от голода. Когда же ко мне в камеру посадили еще одного заключенного, и ему начали давать пищу раз в три дня (суп, кашу, хлеб), и он ел ее, чавкал при мне, то я уже не мог выдержать. Я ему велел уходить из камеры. Но он не послушался и не потребовал перевода.

*Недавно выслан из СССР.

Я просил его опять... И вот я не выдержал однажды: выхватил у него миску с едой и начал его дико избивать, избил до бесчувствия. Теперь я получил за это еще шесть лет срока. Я очень прошу помочь мне; ведь меня довели до этого избиения”.

Неудивительно, что мартиролог жертв лагерей все растет. Между недавними жертвами В. Стус, Я. Дирксен, В. Винкелис, М. Тихий, Я. Витолинис, И. Мкртчян, В. Марченко, М. Дикарев и многие другие.

4. Недавно администрация получила разрешение ”в случае массового неподчинения режиму” открывать огонь, стрельбу по зоне лагеря с вышек.

Мы уже знаем о таких происшествиях: в городе Туле в 1984 году стреляли по зоне лагеря №45, заключенные которого работают на ”самоварном” заводе (изготавлившем патроны); в Армении охрана стреляла в зону лагеря в городе Ленинакане.

И при этом администрация произвольно конфискует даже жалобы заключенных, лишает их права встречи с родными. Практикой стало лишение заключенных под любыми предлогами ”нарушения режима” права на получение посылки от родных (напоминаем, что ”право” это наступает только после того, как отбыта половина срока по приговору — тогда можно получить посылку в пять килограммов раз в год). Практикой опять стало избиение заключенных за малейшие ”провинности”: бьют, одев наручники. Все это ведет заключенных к состоянию депрессии, и часты случаи членовредительства, совершенные в состоянии отчаяния: рубят себе пальцы, руки, вскрывают вены, животы. У нас есть много свидетельств об этих случаях. Вот, например, заключенный Ю. Брызгунов из лагеря УЕ-394 в Башкирии сообщает: ”Я сижу с шестнадцати лет. Теперь мне 26 лет. На спецстрогом режиме меня держат уже восемь лет; я вижу побои и голод изо дня в день. За все десять лет мне не дали ни одного свидания с родными. Администрация лагеря всегда находит ”нарушение режима” в моем поведении. А в лагере царит беспорядок. Как тут не возражать! Нормы работы невыполнимы, над заключенными издеваются. Часто заключенные протестуют, как могут: вскрывают себе вены, режут животы, рубят на работе пальцы, а то и руки, прыгают со второго или третьего этажа новостроек...”

А вот что пишет в своем письме Бронислав Гайдис из лагеря ЯБ-257/3 из Хабаровска: ”В лагере у нас распространена целлагра, авитаминоз, теряем зубы, а начальство лагерное не выдает посылку, если в ней чеснок, лук... ”Перевоспитывают” нас побоями и карцерами; голыми бросают на цемент, морят голодом. В отчаянии — я сам видел — заключенные рубят себе руки, глотают ложки...”

5. В своем поведении напоказ офицеры КГБ сейчас крайне вежливы и любят повторять: ”Мы не такие, как в 1937 году”. Но это только внешнее, маскарад. В отношении к подследственным они жестоки и методы их все более ”совершенствуются”.

Так, после ”вежливого” допроса и непризнания, подследственного бросают в стоячий карцер, где в глаза ему направлена лампа-”мигалка”, дающая сотни колебаний света в минуту, и это доводит заключенного до состояния дикого нервного напряжения, потери сознания, истерии. Но мигания так часты, что мучимый даже не знает причины мучений.

В других случаях ”вежливый” следователь направляет непризнающего подследственного в так называемую ”пресс-хату”. Это камера, где специально откормленные уголовники группой избивают подследственного и ”советуют” признаваться.

Если это не помогает, то подследственного насилуют, делают педерастом, издеваясь при этом.

Эта практика КГБ ныне подтверждена и описана многими свидетелями. Один из последних таких случаев — происшедшее в 1985 году с Даном Шапиро, еврейским активистом. Его сломали в Москве на следствии, избивая и насилуя в ”пресс-хате”.

Показания о ”пресс-хатах” дали до этого М. Кукобака о тюрьме города Елец, А. Смирнов — о Москве, А. Болонкин — об Улан-Удэ, С. Солдатов — о Таллине, В. Сильченко, Д. Захаров и другие.

Кроме этого есть уже показания и уголовников, действовавших по указанию КГБ.

Уже не новость, что советские власти скрывают общее количество политзаключенных в лагерях, тюрьмах, психтюрьмах. Один из методов сокрытия политзаключенных — это направление их в лагеря для уголовников. Наш Центр насчитывает от пяти до тридцати политзаключенных в 2500 лагерях СССР. И всегда администрация лагерей натравливает уголовников на политзаключенных. Мы имеем много таких показаний. Так, например, А. Шатравка был доведен избиениями уголовников до попытки самоубийства в лагере города Жантас в Каз. ССР. По его словам, надзиратели еще раз избили его по возвращении из госпиталя, где он был после попытки самоубийства.

6. За последние два года КГБ СССР направило свои усилия на полную ликвидацию инакомыслящих в СССР, действуя против национальных движений (евреев, украинцев, немцев, татар, прибалтов), против верующих в Бога, не желающих регистрации у властей, печатающих нелегально Библию, сжигаемую властями как ”антисоветская литература”. Однако подпольные типографии действуют, несмотря на постоянные аресты; последние

аресты за печатание в Молдавии Библии в 1985 году это: А. Боринский, З. Тарасова, М. Шевченко, Б. Янишевская, Л. Иващенко, А. Янишевская.

Часты случаи разрушения целых семей верующих; родителей отправляют в лагеря с лишением родительских прав, а детей — в спецдетдома для "перевоспитания", а эти "детдома" являются по сути тюрьмами для детей.

Уже есть случаи, когда подростков в этих "детдомах" до восемнадцати лет отправляют в лагеря...

А в лагерях упомянутое выше законодательство о присуждении нового срока часто используют именно по отношению к верующим, давая им вторые и третьи сроки. Примерами могут служить семьи Германюк, Козорезовых, Ритиковых, Юдинцева, Фирсова, а жена Козорезова вынуждена сейчас скрываться от властей и живет на нелегальном положении.

Все эти национальные движения искореняются арестами, ссылками, высылками, запугиваниями, прямыми убийствами (от убийств дома топором до "автокатастроф"), или избиениями в подъездах, на улицах. При арестах сейчас тоже начали избивать открыто, в присутствии соседей и близких, чтобы распространялись слухи, что ждет остальных...

В азиатских республиках (Узбекистан, Таджикистан и др.) катализатором в росте национально-религиозных движений является война в Афганистане, так как население этих республик воспринимает ее как борьбу против мусульманства.

А проникающие из Афганистана в СССР партизаны снабжают эти движения как листовками, так и оружием.

Поведение КГБ, директивы Горбачева в 1985-1986 годах стали абсурдными: преследования за встречи с иностранцами (инвалид без двух ног Ю. Кисилев был зверски избит за это), за внедрение поп-музыки — аресты; за участие в незарегистрированных демонстрациях "за мир" — аресты; за исповедание религиозного учения Кришны — аресты (за 1985 год и начало 1986 года арестовано 35 человек).

7. Но молодежь на аресты отвечает усилением сопротивления.

Характерно, что в лагере для политзаключенных-женщин в Мордовии (ЖХ-385/3-4) за период 1983-1986 гг. было 193 забастовки с требованием изменить невыполнимые нормы работы, улучшить питание, прекратить издевательства. За эти "нарушения режима" женщин бросали в карцеры, осуждали на новые сроки; все так же, как описано выше в мужских лагерях ("равноправие" женщин в СССР...).

8. Положение еврейских диссидентов зна-

чительно ухудшилось за последние два года; преследования властей распространились на верующих евреев, на изучающих иврит, на еврейских детей.

Иосиф Бегун арестован и осужден в третий раз за преподавание евреям их родного языка иврит, а Евгений Койфман в 1986 году осужден за это же на два с половиной года (официально), он обвинен еще в "наркомании" — ему подбросили наркотики. Ю. Эдельштейн, также преподававший иврит, арестован по сфабрикованному обвинению в наркомании.

Зверские избиения еврейских детей в школах и на улицах (К. Эльберт — Киев, Ави Гольдштейн — Тбилиси, Юля Лерман — Ленинград и многие другие) свидетельствуют о том, что власти используют избиение детей как метод запугивания родителей.

Зверским избиениям подвергают евреев во время следствия и в лагерях: Надежду Фрадкову избивали в психбольнице; Захара Зуншайна избивают в лагере; Александра Парнариева избивали в армии (куда он был насильно мобилизован), а теперь избивают уголовники в концлагере; Иосифа Бернштейна покалечили, выбили глаз; Юлия Эдельштейна зверски избивали в тюрьме и искалечили в лагере; Дана Шапиро зверскими избиениями, травлей собаками и помещением в "пресс-хату" (где уголовники его изнасиловали) довели до "признания вины" и публичного покаяния...

9. Все эти проявления жестокости и беззакония нельзя рассматривать как "местные" нарушения властей. Напротив, из новых законодательных актов видно, что именно власти поощряют беззаконие.

Так, например, 13 июня 1985 года Президиум Верховного Совета СССР принял новое постановление, ужесточающее применение методов психиатрического лечения в отношении здоровых людей, не желающих мыслить коммунистическими штампами.

Теперь карательные органы в СССР могут назначать принудительное психлечение в спецпсихтюрьме людям за "психопатическое развитие личности, которое может быть приравнено к психическому заболеванию", или "за временное расстройство душевной деятельности".

При таком "диагнозе" можно поместить в спецпсихтюрьму любого человека, так как уже во время следствия КГБ может решить, что наступило такое "временное расстройство душевной деятельности"...

Таким образом, область действия репрессивной психиатрии с приходом к власти Горбачева резко расширяет свои рамки.

10. Другой новый закон — Постановление СМ СССР №736 от 6 августа 1985 года запрещает посещение Москвы лицам, ранее осужденным. Специальное разрешение они

должны запрашивать за 72 часа до посещения.

Так, например, на похороны близких надо испрашивать разрешение... за три дня до смерти. Но без свидетельства о смерти разрешение не выдается...

Этот закон делает Москву закрытым городом. В условиях голода это бьет и по "мешочникам", приезжающим за хлебом, по больным, стремящимся к специалистам.

Осужденным ранее диссидентам невозможно отныне посещать в Москве библиотеки, театры. И, конечно, встречаться с западными корреспондентами. Для всех них теперь посещение Москвы повлечет автоматический арест.

Наш Центр еще в 1980 году установил наличие использования рабочей силы заключенных в СССР на добыче урана и обогащении урановой руды в шести концлагерях, которые могут быть названы только лагерями уничтожения; работая там без защитных средств и без спецмасок, заключенные заболевают белокровием и умирают после полугода или года работы.

Сейчас, в 1986 году, в нашем распоряжении есть сведения о сорока пяти лагерях уничтожения, где умирают в год до 200 тысяч заключенных.

Вот показания о таком лагере, полученные от Б. Аксельрода в 1985 году: "В 100 километрах от города Красноярска по реке Енисею, на правом берегу (напротив пионер-

ского летнего лагеря отдыха), в Сухобузинском районе, около поселка Усть-Кан расположены шахты, где добывают уран; рядом расположена обогатительная фабрика.

Все это скрыто тайгой. А заключенные живут под землей, в отработанных штреках. Местное население говорит, что этапы заключенных в этот лагерь часты, но из лагеря этого никто никогда не освобождается... Солдаты охраны, посещающие поселок около пионерлагеря для покупки водки, рассказывали мне по пьянке, что в лагере до 20 тысяч заключенных, и они охраняют их снаружи, так как внутри шахт очень сильная радиация".

Данные о лагерях СССР, публикуемые различными организациями, дают лишь отрывочные сведения; дать полную картину ужаса в концлагерях СССР сейчас невозможно из-за секретности, которой власти СССР окружают их.

После падения большевистского режима в России мир содрогнется от сведений о бесчеловечности и показаний очевидцев. Но поздно будет говорить о 80 миллионах убитых властями СССР, как поздно уже плакать о миллионах жертв нацизма...

Поэтому действовать против убийц, узурпировавших власть в России, надо сегодня.

А. Шифрин,
директор Центра исследования
лагерей, тюрем и психотюрем СССР

Советский Союз. Тюрьма в г. Караганда.

ПАМЯТИ РОМАНА БОРИСОВИЧА ГУЛЯ

Ушел от нас Роман Борисович, и сразу возникло чувство осиротения. Патриарх русской литературы в Зарубежье, последний крупный писатель и редактор первой эмиграции.

Два номера тому назад мы отмечали 90-летие Романа Борисовича, и вот его нет среди нас. Он достиг возраста, которого достигает далеко не каждый, и тем не менее хотелось бы, чтобы он жил и работал дальше. Дай Бог, чтобы "Новый Журнал", перенятый им от его основателей и ведомый столь удачно много лет, не прекратил своего существования и не сбился бы с того прямого и ясного антикоммунистического пути, которым вел его Р. Б. Гуль.

Мы ожидаем обещанного посмертного выхода в счет третьей части воспоминаний Р. Б. Гуля. Слава Богу, он сумел закончить свой труд, который он начал очень поздно. Это ценнейшие книги, за которые эмиграция, пока она существует, должна быть ему глубоко благодарна. А тогда, когда в эмиграции уже не будет нужды, т. к. Россия станет свободной, — мы верим, что однажды наступит это время, — Роману Борисовичу будет благодарна свободная Россия. По этим книгам она будет изучать ту Россию, которую унесли с собой русские, вынужденно покидая свою родину.

Трудно через несколько месяцев писать о том же самом человеке еще что-то другое, тем более, что написанное к 90-летию вылилось из души. Поэтому да простит мне читатель, если я повторю некоторые места из того, что писала к 90-летию Гуля. Мне они кажутся настолько важными, что не беда, если они будут повторены.

Нам уже приходилось отмечать, что через воспоминания Р. Гуля — а к ним относятся и романы "Конь рыжий" и "Ледяной поход" — красной нитью проходит неудержимое стремление к свободе и чувство личности.

Он принимал свои решения так, как считал нужным. Можно с ним соглашаться или нет — в одном случае приветствовать его решение, в другом, может быть, и нет — это тоже дело каждого, но при всех обстоятельствах Р. Б. Гуль не шел с толпой и за толпой, а решал так, как он считал правильным. И если позже замечал ошибку, то и тут имел внутреннюю свободу в ней сознаться. Это дано очень немногим. Юбиляр ясно отказался от того, чтобы жертвовать своей свободой и человеческим достоинством, если его народ имел несчастье попасть под ярмо тоталитарной диктатуры, пытающейся задавить в человеке все высокое, его дух. Зачем нужно непременно вместе с народом, который к этому

наильно и жестоко принуждают, клонить голову, если можно унести Россию с собой на свободу, сохранить ее в памяти такой, какой ее хотелось бы видеть, и не держать язык за зубами, если можно на свободе говорить полным голосом?

Вот поэтому Р. Б. Гуль назвал свои воспоминания в подзаголовке аполгией эмиграции. Мы вполне присоединяемся к нему и несем, как эмигранты, выбравшие свободу и унесшие Россию с собой, голову высоко поднятой в противовес всем тем, кто хотел бы эмиграцию унижить или представить ее не имеющей никакого значения. Была бы она такой, не старалось бы советское правительство, имеющее такую мощь в руках, ее разложить, унижить, уничтожить. Не дело нам самим, эмигрантам, помогать этим усилиям врага нашего народа и нашей родины. Нет, мы присоединяемся к аполгии эмиграции Р. Б. Гуля!

"Жадный до людей", зоркий и умеющий схватывать типы, ситуации, атмосферу, умеющий вживаться в те времена и типы, которых сам он не пережил, Р. Б. Гуль подарил нам ряд замечательных романов об исторических личностях, раскрывая характеры, судьбы и то историческое время, в которое они жили и действовали, судьбоносное время. Достаточно назвать такие романы, как "Азеф", "Дзержинский", "Бакунин" и другие. В них сложена историческая точность, но история живет и захватывает нас, разясняя нам, родившимся после, то, от чего оказалась зависящей и наша судьба и наша жизнь. Мы, эмиграция второго призыва, должны были решать снова вопрос: свобода или родина — так же, как и все позднейшие эмигранты — именно потому, что тогда — да, еще со времени Бакунина — завязался тот узел, который нас, следовавших за факелом свободы, вывел в эмиграцию.

И в этой эмиграции одним из ее деятельнейших членов и талантливейших литераторов и публицистов был покойный Роман Борисович.

Меня лично связывала с ним настоящая дружба. Когда я была в 1982 г. последний раз в Нью-Йорке, Роман Борисович, прощаясь со мной, сказал: "Это уж наша последняя встреча". К сожалению, он оказался прав. За последние четыре года я не собралась в США...

Роман Борисович был верующим православным христианином, толерантным к верованиям других. Господь приял его душу, а мы, пока мы здесь еще, на земле, его не забудем.

В. Пирожкова

П. БАРТОН

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ-ЭМИГРАНТЫ ПОСЛЕ 1917 ГОДА В ИЗДАНИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Писатели, не принявшие революцию в России и покинувшие страну, писатели-эмигранты. Известны ли они у себя на Родине и в странах социалистического лагеря? Есть ли разница в отношении к ним в СССР и в других странах? Каковы возможности публикации этих авторов — вот перечень вопросов, которые мы бы хотели рассмотреть.

Так, в Чехословакии любители литературы уже в период между двумя мировыми войнами познакомились с произведениями русских писателей-эмигрантов. В 20—30-х годах у чешских читателей были популярны романы Дмитрия Сергеевича Мережковского. Издательство "Квасничка и Хамил" несколько раз переиздавало трилогию Мережковского "Христос и Антихрист", а также его культурно-политические статьи. В эти же годы чешские читатели познакомились со стихами и рассказами жены Мережковского — поэтессы Зинаиды Гиппиус. Большой резонанс имели философско-религиозные работы Владимира Сергеевича Соловьева, изданные католическими издательствами.

Большой популярностью у любителей поэзии пользовалась Марина Цветаева, которая с 1922 по 1925 г. жила в Чехословакии. Многие чехи полюбили русский юмор благодаря Аркадию Аверченко.

В это же время были переизданы книги Ивана Бунина. Особенно известным стал роман Бунина "Жизнь Арсеньева" в прекрасном переводе с иллюстрациями; он распродавался очень быстро.

Оценили чехи и рассказы Леонида Андреева, и сказки Алексея Ремизова. Вскоре после "социализации" Чехословакии, в 1948 году, книги русских писателей-эмигрантов исчезли из книжных магазинов. Многие старые издания подверглись экзекуции и уничтожению. Книги русских авторов-эмигрантов исчезли из библиотек.

Однако после реабилитации опальных авторов в СССР, например, Бунина, некоторые "неопасные" его произведения были вновь изданы — в ЧССР... Но были ли чехословаки свободны в своем выборе или, желая заслужить похвалу своих советских коллег, пошли в своем цензурировании дальше их?.. Во время "таяния" социализма в Чехословакии (с начала шестидесятых годов до 1968 г.) в

списках издаваемой литературы можно найти некоторых русских авторов, которых до сих пор игнорируют советские издательства. И, конечно, во время Пражской весны вновь возникли из небытия русские писатели. В Праге большим тиражом вышел роман Мережковского "Леонардо да Винчи", который в СССР после революции было запрещено издавать.

В 1968 году знаток русской классической литературы профессор пражского университета Бохумил Матхесиус опубликовал "Историю русской литературы", где он очень позитивно оценил роль русских писателей-эмигрантов после 1917 года. Сразу же после "нормализации", когда советские танки вошли в Прагу, эта книга, как и книги русских писателей-эмигрантов, была изъята из библиотек в Чехословакии...

Вместо этой крамольной русской литературы теперь каждый год в Чехословакии издается "Литература народов СССР".

Однако, из экономических соображений и чтобы привлечь внимание читателей, нет-нет да и проскальзывают в Чехословакии книги русских писателей-эмигрантов.

Снова издаются время от времени некоторые сочинения Ивана Бунина. В 1980 году вышла очень хорошая антология русских поэтов-символистов, куда вошли произведения Бальмонта, Вячеслава Иванова, Соловьева, Мережковского, Балтрушайтиса. Это было большой неожиданностью для чешских читателей. Однако в послесловии к этой книге "Золото в азуре" (изд-во "Одеон", 1980 г.) — видимо, из политико-идеологических соображений оценка этих авторов была негативной...

Так государственная цензура в ЧССР еще раз показала, что существуют границы, которые нельзя нарушать...

В 1982 году еще раз были изданы стихи Марины Цветаевой. Вскоре после этого в клубе поэзии в Праге — этом последнем оазисе для любителей изящной словесности — на проходивших там литературных вечерах известными актерами читались эти стихи трагической русской поэтессы. В зале гремели долгие аплодисменты. Длилось это все недолго. Вскоре стихи М. Цветаевой из программы клуба были исключены...

В 1983 году в журнале "Советская литература" литературный критик — Галина Ванничкова опубликовала свою написанную на высоком научном уровне критическую статью, посвященную Марине Цветаевой.

Петр Бартон — род. 11.5.1957 г. в г.Параубице, в Чехословакии. С 1983 года как политический эмигрант проживает в ФРГ. Изучает славистику в университете в Мюнхене.

Тогда же в журнале "Творба" (официальном партийном культурно-политическом журнале, созданном в ЧССР по принципу "Литературной газеты" в СССР) появилась ответная негативная статья Евы Фойтиковой, жены члена ЦК КПЧ, считающей себя лучшим знатоком русской литературы. Ева Фойтикова писала, что и публикация стихов М. Цветаевой, и критический разбор этих стихов, сделанный Г. Ваничковой, являются политической ошибкой!!!

На этом Ева Фойтикова не остановилась, она пошла дальше и жестоко раскритиковала всю русскую культурную эмиграцию, находившуюся в Праге во времена демократической "1 республики". Осудила Е. Фойтикова и "Чешско-русское единство", или "Скит поэтов", который перед Второй мировой войной знакомил чешскую интеллигенцию с русской литературой.

Таким образом, устами Е. Фойтиковой, пражское современное правительство показало, что терпеть все на книжном рынке своей страны они не намерены.

Несколько другая ситуация наблюдается в ГДР. Либерализация в вопросах литературы идет значительно дальше, чем в Болгарии, Румынии или Чехословакии.

К великому удивлению, на книжном рынке ГДР можно найти книги Михаила Булгакова, Ивана Кузмина, Осипа Мандельштама, Федора Соллогуба. Эти авторы, хотя и не покинули Россию после революции, но заняли весьма оппозиционную позицию, в СССР книги этих авторов широко не издаются и не пропаганди-

руются.

Несмотря на непризнание на родине, немецкое издательство "Реклам-Ляйпциг" опубликовало роман Соллогуба "Мелкий бес", издательство "Инсел" напечатало подборку рассказов Ивана Кузмина, в издательстве "Киппенхойер" вышли "Разговоры с Данте" О. Мандельштама. Так издаются в ГДР непризнаваемые в СССР советские писатели. А как обстоит дело с русскими писателями — эмигрантами?

В 1981 году в издательстве "Реклам-Ляйпциг" вышел сборник рассказов русских писателей-символистов: А. Ремизова, Д. Мережковского и т. д. В своем послесловии к книге Х. Эберт пишет, например, о Д. Мережковском, что он вместе со своей женой, Зинаидой Гиппиус, эмигрировал после революции и жил в Париже, где занимался своей публицистической деятельностью, отразившей его отрицательное отношение к советской власти. Тем не менее, как мы видим, эти произведения неугодных советской власти писателей на книжных полках ГДР найти все-таки можно.

На этом пока мы заканчиваем наш обзор.

Мы предоставляем возможность читателям судить самим о единстве цензурных требований в странах Восточного блока. Из рассказов болгарских эмигрантов известно, что сегодня за чтение книг Солженицына в Болгарии сажают, как и в СССР.

Таковы возможности существования в "братских странах" подцензурной русской литературы.

В. РУДИНСКИЙ

ФИНЛЯНДИЗАЦИЯ СВОБОДНОГО МИРА

(Vladimir Gilev, 'My Dear Fifteen Dollars', Laurenceville (Virginia), 1985).

Прекрасная, живо и остроумно составленная книжка В. Гилева построена на двух основных идеях; с первой из них мы согласны, со второй — нет.

Разберем сначала первую; да она и значительно более важная.

Запад находится под прямой угрозой со стороны советской системы, возглавляемой преступниками, уже погубившими в 5 раз больше жертв, чем все фашисты и национал-социалисты вместе взятые. Автор и начинает свое произведение напоминанием о том, что мир стоит на пороге катастрофы и тотальной советизации. Необходимо было бы готовиться к борьбе; но это делают невозможным два учреждения, процветающие в свободном (еще!) мире: цензура и дезинформация.

Гилев чрезвычайно убедительно показывает механизм, в силу работы которого публика

не знает правды об СССР и вообще о странах, захваченных коммунистами, — и, хуже того, проникнута фальшивыми сведениями и ложными представлениями о происходящем там.

Книга содержит весьма интересный и дельный анализ техники большевистской деятельности в Европе и Америке по приглушению тех высказываний в печати, которые советскому режиму опасны, и по всемерному распространению сочинений, которые для него полезны. Вредные с точки зрения кремлевских властей вещи исчезают из продажи и не переиздаются; иногда дело доходит до массовой закупки и уничтожения их чекистскими агентами. Описание применяющихся в этой области приемов составляет, пожалуй, самую ценную часть разбираемой нами работы.

Интенсивное проникновение советских провокаторов в сферы иностранного жур-

нализма и всех других средств воздействия на настроения масс (кинемаграф, телевизия, радио и т. д.) является другим методом обмана и усыпления западного общественного мнения.

Очень сильно чекистское влияние и на американском радио, предназначенном официально для пропаганды и осведомления в странах за железным занавесом, включая и СССР; что и приводит к самым печальным результатам.

Не лучше обстоит дело в области внешней политики и в таковой экономических отношений: иллюзии западных правительств и крайняя неразумность их действий (обусловленные различными и сложными, но одинаково гибельными причинами) излагаются здесь нам на 150 страницах с жестокой ясностью и с убийственной очевидностью.

Примером процессов, идущих на полный ход в свободной части Европы, служит творящееся в Финляндии. Но тут напрасно автор выражает удивление: положение финнов, перед лицом могущественного и страшного соседа на Востоке и вовсе ненадежных друзей на Западе, понять легко.

Гораздо более трагично и куда менее извинительно, что ту же политику уступок, ту же позу кролика, зачарованного змеей, усвоили себе другие страны, не находящиеся в столь печальных обстоятельствах, как несчастная Финляндия: Швейцария, Западная Германия, Франция, Италия, Англия и даже США.

Подробный анализ подобных явлений нам дается в седьмой главе рецензируемой книги — одной из самых замечательных в ней, — носящей ироническое название: "Bonjour, madame Finlandisation!". Опьяняющая мечта о соглашении с советами; парализующая мысль

о невозможности сопротивления им, — то и другое, распространяемое и умножаемое на 10 и на 100 усилиями коммунистической пропаганды, обуславливает растущую неспособность Запада к самозащите.

Гилев горячо призывает живые силы свободного мира проснуться, понять, что борьба с красным дьяволом возможна и необходима; и что бороться нужно сейчас и активно; иначе окажется поздно.

К этим призывам мы целиком готовы присоединиться. А собранные в книге примеры и конкретные данные настоятельно рекомендуем читателям, и прежде всего тем, кому приходится иметь контакты с иностранцами и случается вести с теми разговоры о политике.

Скажем теперь пару слов о той части в "My Dear Fifteen Dollars", которая нам представляется неверной. Она относится к ошибочным надеждам автора на Китай, как на возможного союзника против большевизма. Отметим, впрочем, что он и сам делает на сей счет кое-какие оговорки и выражает известное сомнение.

В самом деле, доверяться ссоре между СССР и коммунистическим Китаем явилось бы большим легкомыслием. Наше-то мнение такое, что ссоры и нет, а есть спектакль, ставимый на предмет втирания очков "капиталистическому окружению". Но даже и допуская наличие конфликтов между двумя красными колоссами, — они в любой момент могут ведь отпасть и смениться союзом против свободных держав.

Разграбление последних двум бандитам на Востоке сулит несравненно более соблазнительные блага, чем война друг с другом, чьей бы победой она ни закончилась.

А. ГРАВИН

ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ

О книге А. Герасимова "На лезвии с террористами"

(Окончание. Начало в №41)

Но подготовка покушений продолжалась. Герасимов получил сообщение, но без указания лиц, что готовится покушение на великого князя Николая Николаевича и на министра юстиции Щегловитова. Что он ни делал, но напасть на след этой группы так и не мог. Азеф отнекивался незнанием деталей. Герасимову пришлось спрашивать обоих лиц сидеть дома. Особенно тревожным был день нового 1908 года. Великий князь не выдержал и тайком уехал из города. Наконец Азеф дал важные сведения, сообщив имя Распутиной. Ее нашли и установили за ней слежку, благодаря которой удалось определить всех чле-

нов террористической группы. По распоряжению Герасимова, все девять человек 20 февраля были арестованы. Было найдено оружие, бомбы и план Государственного Совета. Все были преданы военному суду. Семеро были повешены, а двое приговорены к каторге.

Весной 1908 года, несмотря на уговоры Герасимова, Азеф решил уехать за границу, отказавшись от дальнейшей работы с полицией. Жалованье полагалось ему и далее. За границей Азефу пришлось бороться с подозрениями против него в революционных кругах, хотя у себя в партии к нему относились с полным доверием. К осени 1908 года Гера-

симову стало известно, что между Азефом и В. Бурцевым идет суд, а в ноябре Азеф, как пишет автор, неожиданно очутился на его секретной квартире в Петербурге, осунувшийся, бледный, со следами бессонных ночей на лице. Революционный суд в Париже уже готовился его оправдать, когда Бурцев заявил, что у него будет важный свидетель, имя которого он держал в тайне, но оно стало Азефу известным. Им был Лопухин, бывший директор департамента полиции, который летом, будучи в Германии, сообщил Бурцеву о связи Азефа с полицией. Теперь ему надо было уговорить Лопухина отказаться от своих слов, иначе ему грозила смерть... Сидя в кресле, этот большой толстый мужчина вдруг расплакался... Его попытка поговорить с Лопухиным не удалась, тот отказался с ним разговаривать. Тогда Герасимов пошел сам к Лопухину и целых полчаса уговаривал его, но без малейшего успеха. Расставаясь с Азефом, Герасимов снабдил его фальшивыми паспортами и дал ему несколько тысяч рублей. Лопухин вскоре тоже уехал за границу и там передал социалистам-революционерам письменные доказательства против Азефа, после чего центральный комитет вынес Азефу смертный приговор. Азефу удалось бежать и, после многих странствований, осесть в Берлине под видом купца Александра Неймаера, где он и умер (в 1918 году). Лопухин, за нарушение служебной тайны, был присужден к пожизненной каторге, но после четырех лет был амнистирован.

Борьбе с революционным терроризмом Герасимов отдавал все свои силы. Обе стороны, одна в нападении, а другая в защите, применяли для достижения своих целей все возможные средства и трюки: на войне, как на войне. И в этой жестокой борьбе Азеф являлся для Герасимова сугубо ценным помощником. Когда был опубликован за границей приговор революционного суда по делу Азефа, газеты всего мира наполнились статьями об этом деле, полными вымысла по адресу правительства, особенно Столыпина и Герасимова. Этим двум последним, вместе с Азефом, приписывали такие преступления, как организацию и проведение всех без исключения террористических актов. Азефа лично обвиняли еще в провокаторстве, которое Герасимов полностью отрицает. По долгу службы Герасимов часто встречался на своей секретной квартире с Азефом. Визиты иногда были продолжительными и, за самоваром, длились часами, причем шли разговоры на самые разные темы. Автор пишет, что по своим убеждениям Азеф был очень умеренным человеком, не левее умеренного либерала. На вопросы, как он со своими взглядами попал в ряды революционеров, Азеф отдался незначительными фразами, вроде

того, что так случилось.

Суд над Азефом и последовавшее затем его разоблачение окончательно деморализовали революционеров, никто никому не верил, всюду мерещились предатели. Террор уже перестал быть страшилищем, и по всей стране настало успокоение. Герасимов решил, что теперь ему, после четырех лет службы без отдыха и отпуска, можно было отдохнуть. Работать ему приходилось с полным напряжением сил, спал он по 5—6 часов в сутки, иногда не раздеваясь и притом под постоянной угрозой покушения на его жизнь. В начале 1909 года он договорился со Столыпиным о продолжительном отпуске для лечения за границей и сдал свою должность полковнику Карпову. Еще перед его отъездом зашла речь о поездке Государя на торжества в Полтаве. На приеме у Государя Столыпин процитировал слова Герасимова, что революция подавлена и что царь теперь может свободно ездить, куда ему угодно. Реакция царя удивила Столыпина. Царь спросил: "Я не понимаю, о какой революции вы говорите. У нас, правда, были беспорядки, но это не революция. Да и беспорядки были бы невозможны, если бы у власти стояли люди более энергичные и смелые". Эти слова произвели не только на Столыпина, но и на Герасимова, настоящего человека на настоящем месте, весьма болезненное впечатление. После разговора с царем Столыпин еще долго не мог успокоиться. Им обоим было понятно, что слова Государя об энергичных и смелых людях относились к комманданту Ялты полковнику Думбадзе. О нем заговорила вся пресса, домашняя и заграничная, после того как он, человек, мягко говоря, экстравагантный, гоняясь за террористом, успевшим куда-то скрыться, арестовал всех жителей дома, а затем приказал снести артиллерийским огнем сам дом до основания. Думбадзе стал героем и был разрекламирован органами крайне правых партий как один "из сильных и смелых людей" в противоположность "расхлябанному" правительству. И вот теперь, когда угроза со стороны революционеров исчезла, Герасимов особенно остро ощутил нарастание опасности с другой стороны, со стороны крайне правых организаций во главе с "Союзом русского народа", основанным доктором Дубровиным в Петербурге. В октябре 1905 года Герасимову пришлось с ним познакомиться. Автор пишет, что он произвел на него впечатление очень увлекательного, не вполне положительного человека. Если верить его словам, то стоило ему только клич кликнуть, и от революционеров и следа не останется. Начало расцвета этого союза он относит к 1906 году. В Петербурге ему всецело покровительствовал градоначальник фон-дер-Лауниц. При Союзе была создана особая боевая дружина, полу-

чившая от него оружие и даже право на совершение обысков. Но Столыпин, по жалобе Герасимова, запретил подобные обыски. Друзинники совершили убийство в июле 1906 года члена первой Государственной Думы М. Я. Герценштейна, кадета. А в феврале 1907 года было сделано покушение на графа Витте, организованное при содействии Московского охранного отделения, начальником которого был полковник Климович. Все данные были Герасимовым собраны и препровождены в департамент полиции, но их там похоронили. В Москве был убит член второй Государственной Думы Иоллос, и московскими агентами было организовано убийство депутата Караева в Екатеринославе. Столыпина эти происшествя возмущали, и он стоял за принятие решительных против них мер, но влиятельные сановники наверху были иного мнения.

Они, будучи в оппозиции к Столыпину, оказывали Дубровину активную поддержку. В своей газете "Русское Знамя" он вел резкую кампанию против Столыпина, хотя как раз из его министерства "Союз русского народа" получал деньги официальным и неофициальными путями. Дубровин организовал особую депутацию во главе с иеромонахом Иллиодором к царю, чтобы убедить его вернуться к порядку до 1905 года. О том, каково было мнение Столыпина по этому вопросу, автор пишет, что ему приходилось не раз в беседе с ним выслушивать его убеждение, что для России институт Государственной Думы очень нужен и что русские порядки во многом необходимо перестроить на новый лад.

С третьей Государственной Думой он искренне стремился работать и установить хорошие личные отношения с лидерами думских нереволуционных фракций. Для того, чтобы провести аграрную реформу, Столыпину пришлось преодолеть враждебное к его плану отношение в разных кругах общества. Прежде всего было сопротивление со стороны великокняжеских кругов против отчуждения кабинетских и удельных земель. Социалисты-революционеры относились к его планам полностью отрицательно, считая, что разрушение крестьянской общины и разрешение свободного выхода из нее лишит их основного базиса для социалистической пропаганды в деревне. "Союз русского народа" тоже высказывался против аграрного проекта Столыпина, ибо для него община была одним из самых надежных устоев самодержавного строя. Именитые сановники, близкие к Союзу, говорили Государю, что Столыпин проявляет и до сих пор опасный либерализм.

Особенно опасным стало крайне реакционное движение после того, как к подножию трона проникли "темные силы", под которыми Герасимов подразумевал распутинское

окружение. Он пишет, что он пал одной из первых жертв этого нового врага, не менее страшного, чем революционеры. Имя Распутина стало ему известным в конце 1908 года от дворцового коменданта генерала Дедюлина, который обратился к нему с вопросом, что это за человек. Он был представлен на квартире фрейлины Вырубовой государыне Александре Федоровне. Это сообщение заставило Герасимова заняться делом Распутина. Из Сибири он получил сведения об его авантюрном прошлом, а агенты, ведшие за ним наблюдение в столице, представили ему картину развратной жизни Распутина здесь. Когда Герасимов вручил Столыпину собранный им материал, тот сильно взволновался. "Жизнь царской семьи, — говорил он, — должна быть чиста как хрусталь. Если в народном сознании на царскую семью падет тяжелая тень, то весь моральный авторитет самодержца погибнет — и тогда может произойти самое плохое". Не откладывая, во время первой аудиенции, он сообщил царю все ему известное от Герасимова, и царь в конце разговора пообещал ему, что он с Распутиным больше встречаться не будет.

Но Герасимов не прекратил свои наблюдения за "святым старцем" и убедился, что тот участил свои поездки к Вырубовой. По совету Герасимова, Столыпин решился подписать указ об административной высылке Распутина на родину, но с условием, чтобы он был арестован вне Царского Села. Агенты долго гонялись за Распутиным, выискивая удобный момент для ареста, но схватить его всегда что-нибудь мешало или же он бегом скрывался в великокняжеской карете. Наконец Герасимов получил телеграмму из Сибири, что Распутин прибыл туда. История с предполагаемой высылкой стала известной, и против Герасимова начался систематический поход.

Перед своим отъездом за границу Герасимов имел со Столыпиным разговор, из которого он понял, что Столыпин намеревается назначить его по возвращении своим товарищем, что дало бы ему возможность иметь в своих руках всю полицию империи. Однако из-за Распутина его репутация сильно пострадала, и по своем возвращении он нашел, что обещанное ему место занял бывший минский губернатор, видный деятель правых организаций. Столыпин, против своей воли, был принужден к этому назначению после того, как государыня в одной из аудиенций сказала ему: "Только тогда, когда во главе политической полиции станет Курлов, я перестану бояться за жизнь Государя". После назначения Курлова Распутин вернулся в столицу. "А я должен был только в бессилии наблюдать со стороны, как пройдоха-мужик в короткое время сделал то, что в течение десятков лет

не удавалось сделать многим тысячам революционеров-интеллигентов: подорвать устои царской империи, подготовить ее крушение”, — пишет Герасимов... Его назначили генералом для поручений при министерстве внутренних дел, и он уже не имел никакого отношения к политическому розыску.

После Столыпина министром был назначен А. А. Макаров, хорошо относившийся к Герасимову. При нем ему было поручено щекотливое дело: отвезти саратовского епископа Гермогена в заточение в Жировицкий монастырь недалеко от Слонима. Епископ Гермоген, член Синода, проживал в Александро-Невской лавре, куда он вместе с Иллиодором завлек Распутина и требовал от него поклясться на кресте и Евангелии, что он не будет больше посещать царский дворец и вообще поддерживать отношения с царской семьей. Распутин вырвался и пожаловался Государю, который, разгневавшись, отдал предписание о высылке Гермогена. Герасимов его знал: высокий, худощавый, с острым ясным умом, аскет по внешности, он производил впечатление настоящего христианского подвижника, способного умереть за свою веру. Последующая его жизнь доказала правильность этого впечатления. Герасимову с трудом удалось уговорить его подчиниться добровольно царскому распоряжению, после чего он организовал его поездку в далекий Жировицкий монастырь, место его заточения.

Макаров относился отрицательно к личности Распутина и не раз обсуждал с Герасимовым, как можно было бы прекратить его деятельность, причем снова появлялся на свет Божий вопрос о высылке его по месту жительства. И опять эти планы не остались секретом для Распутина и, по его жалобе, Макаров немедленно был уволен в отставку. Его

место занял Н. А. Маклаков, человек крайне правых убеждений, который какое-то время терпел Герасимова, а позднее предложил ему подать в отставку. В начале 1914 года его отставка была принята, и с того времени он созерцал события уже в качестве частного человека, оставшись на жительство в столице. Начавшуюся войну он рассматривал как большое несчастье: “Я смотрел на будущее очень пессимистически. Может быть, лучше, чем кто бы то ни было другой, я знал, насколько непрочно то успокоение, которое царило внутри страны, насколько сильны в ней революционные настроения и насколько опасна в этих условиях война...”

В середине февраля 1917 года в Петрограде начались волнения, сопровождаемые насилиями и демонстрациями с красными знаменами. Наблюдая демонстрантов, Герасимов обратил внимание на казачий разъезд: некоторые казаки держали красные платки в руках. Он не выдержал и позвонил С. П. Белецкому, сенатору и бывшему директору департамента полиции: “Вы ездите ежедневно в Царское Село, скажите же государыне, что ведь это настоящая революция. Надо принять решительные меры и как можно скорее”. Белецкий его успокоил, сказав, что он уже докладывал государыне и что она отдала распоряжения. Закончил он заверением, что завтра же на улицу будут выведены войска и всяким демонстрациям будет положен конец. Конец пришел, но не тот.

После переворота Герасимов был арестован, сидел в Крестах, потом в Петропавловской крепости. После октября был, в числе многих, освобожден и проживал в столице до мая 1918 года, когда ему удалось, в последнюю минуту, в качестве украинского гражданина, переехать на юг.

Е. КАРМАЗИН

ЮРИДИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

(По страницам журналов и газет)

Новые репрессивные законы в СССР. Мы уже отмечали антирабочие законы Андропова (“Голос Зарубежья” №31) и законы “о пьянстве” (“Голос Зарубежья” №38). 27 мая приняты новые репрессивные постановления “Об усилении борьбы с нетрудовыми доходами”. Полный текст постановлений в печати не опубликован; надводная часть айсберга — поистине устрашающая; подводная же часть, очевидно, содержит меры вполне дьявольские.

Приводим краткое изложение основных пунктов. — Осуществить дополнительные

меры, направленные против тунеядцев. Уклонение от подачи декларации о доходах от занятия индивидуальной трудовой деятельностью либо несвоевременная подача декларации — штраф от пятидесяти до ста рублей. Те же действия, совершенные... — влекут уголовную ответственность и наказываются исправительными работами на срок до двух лет или штрафом от двухсот до одной тысячи рублей. Нарушение порядка занятия кустарно-ремесленными промыслами и другой индивидуальной трудовой деятельностью, или

относительно которых имеется специальное запрещение, — штраф от пятидесяти до ста рублей, с конфискацией изготовленной продукции, орудий производства и сырья. Если оно совершено... — влечет уголовную ответственность и наказывается исправительными работами на срок до двух лет или штрафом от двухсот до одной тысячи рублей, с конфискацией изготовленной продукции, орудий производства и сырья. Совершаемое... — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества.

Установить контроль за использованием излишней жилой площади, упорядочить обменные операции, связанные с жильем. Укрепить паспортный режим в городах и населенных пунктах. Организовать учет лиц, сдающих жилые помещения, дачи, садовые домики в поднаем, исходя из того, что они не могут использоваться для личной наживы и в других корыстных целях.

Расширить перечень категорий рабочих и служащих, с которыми могут заключаться договоры о полной материальной ответственности. Расширить круг товаров и продукции, по которым применяется порядок взыскания ущерба в кратном размере от розничных цен.

Добиваться полного возмещения ущерба, причиненного государству незаконными выплатами премий и других вознаграждений, а также отчислениями в аналогичные фонды предприятий, независимо от применения других установленных мер.

Установить порядок учета лиц, занятых реализацией сельскохозяйственной продукции на колхозных рынках, расширить права по пресечению спекуляции и других форм извлечения нетрудовых доходов. Усилить контроль за строгим соблюдением установленных норм и порядка содержания скота в личных подсобных хозяйствах граждан, установить ответственность за их нарушение в случаях, когда она не предусмотрена действующим законодательством. Скупка печеного хлеба, муки, крупы и других пищевых продуктов для кормления скота и птицы, а равно скармливание скоту и птице пищевых продуктов — штраф от пятидесяти до ста рублей. Те же действия, совершенные... — влекут уголовную ответственность и наказываются исправительными работами на срок до двух лет или штрафом от ста до пятисот рублей.

Использование в корыстных целях транспортных средств, принадлежащих предприятиям, — штраф до ста рублей и на должностных лиц — до двухсот рублей, а на водителей — лишение права управления транспортом на срок до одного года с возмещением имущественного ущерба.

Лицо, совершившее мелкое хищение государственного или общественного имуще-

ства, если его действия не влекут уголовной ответственности, — штраф от двадцати до двухсот рублей или исправительные работы от одного до двух месяцев с удержанием двадцати процентов заработка, с возмещением имущественного ущерба. Наряду с привлечением к ответственности указанные лица лишаются всех видов премий в течение периода, устанавливаемого администрацией, лишаются вознаграждения по итогам годовой работы, путевок в дома отдыха и санатории, переносится их очередность на получение жилой площади.

Граждане, совершающие сделки на сумму свыше десяти тысяч рублей, а также строящие жилой дом (дачу) стоимостью свыше двадцати тысяч рублей, обязаны представить декларацию об источниках получения соответствующих средств. Граждане обязаны представить декларацию об источниках получения средств также по требованию исполкома местного совета или прокурора. (О наказаниях, следуемых после представления декларации, в опубликованном тексте умалчивается).

Получение должностным лицом взятки — наказывается лишением свободы на срок до десяти лет с конфискацией имущества. Те же действия, совершенные... — наказываются лишением свободы от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества. Совершенные... — наказываются лишением свободы от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой от двух до пяти лет или без ссылки, а в особо отягчающих обстоятельствах — смертной казнью с конфискацией имущества.* ("Экономическая газета" №23, 1986).

Из неопубликованной части постановления пока стало известно одно — "максимальный срок лишения свободы повышен с 15 до 20 лет" ("Русская мысль", 13. 6. 86).

Все эти меры вводятся во имя страшного фарса "социалистической справедливости". Как сказал по другому поводу Г. Померанц, "справедливость — принцип разрушительный. Во имя справедливости Шейлок вправе вырезать у Антонио фунт мяса. "Нет идеи более кровавой, чем идея справедливости", — писал М. Волошин. Чрезмерный акцент на справедливости — болезнь, выгиб, уравновешивающий другой выгиб — в сторону нравственной беспорядочности" ("Страна и мир", №10, 1985, стр. 76).

Население СССР откликнулось на новые законы незамедлительно: "Да чего там думать

*Напомним замечание В. Пирожковой: "Честное исполнение служебных обязанностей — при тоталитарной власти результаты бывают зачастую отрицательными. Взятничество при этом может иногда помочь человеку, находящемуся без вины в безвыходном положении" ("Человек в тоталитарном государстве", "Новый журнал", №87, стр. 271).

о Чернобыле и радиоактивности, все равно ничего не известно. Вот закон о нетрудовых доходах — это другое дело! Тут всю страну можно пересажать. А, небось, им нужна дешевая, лучше всего даровая, рабочая сила". ("Русская мысль", 20. 6. 86).

...Призрак веет над Советским Союзом — призрак сталинизма...

Впрочем, "Русская мысль" думает иначе: "С 1 июля вступает в действие указ "Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов". Что поражает, так это мелкомасштабность и ничтожество, отсутствие размаха и чувства реальности, даже по сравнению с жалким "полусухим" законом". (Н. Горбаневская, 27. 6. 86).

Права граждан и советские законы. В "Стране и мире" №4 за 1986 г. указана существенная цитата из доклада Горбачева на XXVII съезде: "Необходимо уже в ближайшее время закончить подготовку предусмотренного конституцией закона о порядке обжалования неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права гражданина". Автор статьи А. Б. добавляет: "Как-то так получилось, что наиболее важная и интересная мысль правовой части доклада не попала ни в резолюции съезда, ни в комментарии газет. Похоже, что единственный выход — объявить незаконной эту часть доклада Горбачева".

Интернационал Сопротивления и Горбачев. В "Русской мысли" от 20. 6. 86 опубликовано заявление "Интернационала Сопротивления" (не сообщается, кто именно из диссидентов входит в его руководство), где, в частности, говорится: "Горбачев оказался не только не в состоянии превратить события в Чернобыле в мощный рычаг для радикального изменения соотношения сил на советских верхах в свою пользу, но скорее наоборот, поплыл по удобному руслу пропагандистского конформизма. Его сентиментальные обращения к народу только продемонстрировали, что он полностью утратил контроль над ситуацией". — Мы выражаем уверенность в том, что заявление в пользу Горбачева Интернационалу следовало послать в советскую, а не в эмигрантскую прессу. С другой стороны, новые законы в СССР не свидетельствуют о конформизме, сентиментальности или утрате контроля; скорее наоборот.

Сахаровские слушания. В 1985 г. в Лондоне вышла книга "Сахаровские слушания в Лиссабоне", где кроме текстов выступлений приведены и вопросы членов жюри. Отметим вопрос американского юриста Джерома Шестока к Л. Консону: "Не имеет ли место большое количество доносов в результате описанной коррупции?" Это именно тот вопрос, который и мы задали в "Голосе Зарубежья" №34. (Жюри, как и мы, ответа не получило.)

Есть ли безработица в СССР? В №4 "Страны и мира" за 1986 г. напечатана статья сотрудника "Посева" А. Югова "Человек без места" рядом со статьей уволенного из "Посева" и исключенного из НТС Ю. Чикарлеева "Безработица". Мы приветствуем похвальный плюрализм редакции "Страны и мира". Статьи штатных сотрудников "Посева" мы обычно не рецензируем, т. к. они проводят партийную линию, с которой беспартийным полемизировать нет никакого резона. Однако, выходя на страницы непартийного журнала, А. Югов не может рассчитывать на иммунитет от критики. И действительно, в его статье можно обнаружить ряд странных ошибок и необоснованных утверждений.

"Рабочий или служащий в СССР нередко увольняется, не подготовив себе место на другом предприятии, увольняется под влиянием эмоций. Людей, меняющих работу, в советских газетах любят называть летунами, но никто не пишет о безответственном способе найма на работу, присущем советской трудовой практике", — пишет А. Югов, с восхищением отмечая, что на Западе "обе стороны обязаны в случае увольнения предупредить друг друга за строго определенное число недель. Это чрезвычайно дисциплинирует и т. д."

Чего же А. Югов хочет? — Восстановления сталинской системы запрета "самовольного ухода"? Или системы найма только через "комиссии по трудоустройству", которые уж загонят непокорных куда надо? Странно, что А. Югов не ведает советской юридической системы увольнения, которая при Хрущеве требовала предупреждения за 2 недели для рабочего и за 1 месяц для служащего, а при Андропове для всех работников — за 2 месяца. Какие еще "ответственные" меры предлагает А. Югов, какое еще "определенное число недель"? Пожизненное? Или лет эдак на 10?

"Наступление на здравый смысл велось тремя сомкнутыми колоннами: дневным, вечерним и заочным высшим образованием. Инженеры всевозможных профилей штамповались в неумещающемся количестве. В результате сегодня СССР насчитывает 3 млн. инженеров, т. е. в 4 раза больше, чем США". А. Югов полагает, что его здравый смысл выше, чем у населения СССР, пробивающегося к образованию через все рогатки властей — приемные комиссии, конкурсы по 10 чел. на место, обязанность учащихся в вечерних и заочных вузах работать (после 6-летнего совместного обучения — работы по 16 часов в день, редко кто не приобретает неизлечимых болезней). Как можно писать об этом ужасе с легкостью в мыслях необыкновенной? Во всяком случае читать этакое — стыдно.

Напомним также явление, описанное В. Пирожковой в статье о тоталитарном государ-

стве: "Многие молодые люди, изучавшие бы при других условиях гуманитарные науки, изучают математику, физику или технику. Точные науки, не поддающиеся партийному искажению, представляют собой защитный вал" ("Новый журнал" №87, стр. 278).

Наконец, почему А. Югов не сравнил числа специалистов с высшим образованием в США и СССР? Разве он не знает, что административная и производственная структура заполняется в СССР инженерами, а в США юристами и социологами? Как можно обсуждать явление с неадекватными цифрами или неполной колодой карт?

А. Югов продолжает: "Сейчас в СССР насчитывается более 1,1 млн. врачей — почти в 3 раза больше, чем практикующих врачей в США". Опять-таки, ведь тоталитарная система требует от больного получить у врача не только лечение, но и справки, бюллетени и прочее и прочее. С другой стороны, А. Югов не дает себе труда учесть, что здоровье советского населения подорвано, в отличие от прославленного в литературе "американского здоровья". Как однажды заметил Г. Померанц, "известные экономические успехи были достигнуты ценою опасного роста внеэкономического принуждения, наносившего ущерб основе производительных сил, рабочей силе, воле (способности) человека к труду" ("Неопубликованное", "Посев", 1972, стр. 215).

В связи с этим во всех поликлиниках в СССР — колоссальные очереди, усугубляемые еще прикреплением больных к врачам по месту прописки. И тут А. Югов решается говорить об избыточном количестве врачей: "Зато все при деле, безработицы нет!" — И вправду, избавь нас от таких друзей...

Далее А. Югов сообщает, что "заработок инженера намного ниже, чем у квалифицированного рабочего. Но что можно сделать?" — Успокойтесь, г-н Югов, советское правительство еще год назад утвердило новые размеры должностных окладов для конструкторов и технологов, а также надбавок и премий к ним. ("Экономическая газета" № 29, июль 1985 г.).

Затем А. Югов пишет, что "продукция, переданная торговым организациям, считается реализованной и включается в отчеты ЦСУ". Напомним, что по юридическим инструкциям реализованной считается не поставленная, а оплаченная торговлей продукция. Если покупатель не берет товар, то торговля не оплачивает поставки, отказывается от акцепта счетов производителей. И ничего тогда в отчеты ЦСУ не включается... А. Югов, впрочем, отчасти признает это — и тут же впадает в новую ересь: "Нельзя же бесконечно работать на склад. Поневоле приходится предприятия, выпускающие неходовые товары, закры-

вать..." — Никогда, г-н Югов! По приказу свыше они перестраиваются на другие товары — в стране ведь всеобщий дефицит...

А. Югов продолжает: "Директор предприятия все возьмет, нужно ему или нет. Бесмысленный выпуск средств производства не подвержен никакому контролю рублем". Опять наш автор не знает юридических норм: запасы материалов и оборудования строжайше лимитируются, а превышение норм основных и оборотных средств — жестко карается.

С торжеством приводит А. Югов цитату некоего доктора экономических наук из "Известий": "Заказываю расточные станки — не дают, предлагают токарные. Мне они не нужны, но беру: не используешь деньги — на следующий год не выделят". — Это ложь, точнее — советская пропаганда. Нашему доктору наук свыше велели обругать систему предыдущего вождя, он рад стараться и порет чушь. На деле за неустановленное оборудование директоров строжайше наказывают, как за бесхозяйственность. Установить ненужные станки, разумеется, негде — нет производственных площадей. А установленные и неиспользованные станки вызовут новое наказание — за систематический простой оборудования. Не говоря уже о нормативах основных фондов...

А. Югов заключает: "Административные методы Андропова—Горбачева не приведут к укреплению трудовой морали, если не будут подкреплены экономическими методами". — Нет, г-н Югов, эти устрашающие административные меры надо не подкрепить, а полностью отменить и вернуться сначала к законности времен Хрущева, откуда уж начинать "подкрепление" материальными и социологическими мерами.

В своей статье А. Югов многократно ссылается на цитаты из Горбачева, толкуя их к тому же вкривь и вкось, и делает окончательный вывод: "Однако перестройка нелегальна без легализации безработицы". Повторим в который раз, — к сведению любителей плоских параллелей между тоталитарным и свободным миром: в СССР нет и не может быть безработицы, т. к. за 1918—53 гг. были истреблены 50 млн. советских граждан (по совпадающим расчетам С. Максудова и И. Дядькина); вместе с десятками миллионов не родившихся у них детей это создало в стране жестокий дефицит рабочей силы. Сошлемся и мы на последнюю речь Горбачева: "Разумеется, мы знаем демографическую ситуацию в стране. Но если не хватает трудовых ресурсов, зачем же продолжать строить новые предприятия? В настоящее время только в промышленности насчитывается 700 тысяч незанятых рабочих мест. И это практически при односменной работе оборудования. При выходе на коэффициент сменности

1,7 число пустующих рабочих мест в промышленности превысит 4 миллиона" ("Экономическая газета № 26, 1986).

Тоталитаризм. В ряде номеров "Страны и мира" опубликованы материалы о тоталитаризме, вызывающие решительные возражения. Только в одном случае редакция сделала оговорку, что ряд "частных утверждений Ханны Арендт может быть сейчас пересмотрен, но основные ее идеи по-прежнему сохраняют свою ценность" (№ 7, 1985, стр. 30). По нашему мнению, только анализ нацизма у Ханны Арендт сохраняет ценность (и то с оговорками), оценка же фашизма, ленинизма и сталинизма не выдерживает критики.

Вот несколько примеров. "Чтобы превратить ленинскую революционную диктатуру в систему тоталитарного правления, Сталину пришлось"... (стр. 45), — пишет Х. Арендт. Значит, ленинский режим не был тоталитарным?

"Даже Муссолини, который так любил термин "тоталитарное государство", не пытался... Доказательством нетоталитарной природы итальянской фашистской диктатуры является..." (стр. 33). — Идею о том, что итальянский фашизм — это не тоталитаризм, можно только решительно отклонить.*

"Показательные процессы в Москве были бы невозможны, если бы народные массы не поддерживали Сталина" (стр. 31). — Народные массы не поддерживали Сталина, а были в Гулаге или в ужасе перед ним.

"Сталин начал с того, что образовал в составе Советов большевистские ячейки" (стр. 46). — Это сделал Ленин еще в 1917 году.

"Возможно, вспышка правительственного антисемитизма в СССР должна была вызвать симпатию к Советскому Союзу у его европейских сателлитов" (№ 10, стр. 53). — Сталину нужен был очередной "внутренний враг", а сателлитов он усмирлял силой.

"В сущности, тоталитарный вождь — всего лишь производная от им же руководимых масс. Он не властолюбец, тиранящий подданных. Простой функционер, он в любую минуту может быть смещен, и он в такой же мере зависит от воли олицетворяемых им масс, в какой массы зависят от него" (стр. 49). — Заговор 20 июля 1944 г. против Гитлера показал, можно ли сместить тирана в любую минуту.

"Тоталитарный режим вряд ли возможен в государствах со сравнительно небольшим населением" (стр. 32). — Достаточно вспомнить Албанию, Камбоджу, Эфиопию, хомейнистский Иран или Гаити Папы Дока, с

заменой христианства языческим водуистским культом и черной магией (и насланным бичом Божиим — болезнью эйджс — см. "Страну и мир" № 1-2, 1986, стр. 19).

М. Вальцер в "Стране и мире" № 12 за 1984 год пишет: "Правомерно ли называть сегодняшний Советский Союз тоталитарным? Сегодняшний режим в СССР — это диктатура, основанная на народной апатии, пустая скорлупа тоталитарного ореха" (стр. 43). — 7 лет войны в Афганистане и нескончаемые волны драконовских законов показывают, пустая ли скорлупа.

М. Шпербер в № 4 за 1984 г. пишет о Ленине: "Нельзя ничего понять в этом удивительном человеке, не уяснив себе, что он нуждался во власти, всей своей натурой стремился к ней, но был вполне способен отказаться от нее во имя пролетарской диктатуры. Началась же смерть Владимира Ильича еще до его физической кончины, в мартовские дни 1921 года, когда на мирные социалистические требования кронштадтских матросов ответили орудийными выстрелами, а затем расстреляли оставшихся в живых" (стр. 38). — Значит, истребление миллионов людей в 1917—1920 гг. не в счет? А в 1921 г. Ленин изменил состав ЦК и Политбюро и запретил фракции в партии, чтобы обеспечить свою личную власть (см., в частности, блестящее исследование М. Реймана в журнале "Время и мы", № 83).

С. Гафнер в № 4 за 1986 г. пишет: "Буржуазный консерватизм, после того, как он порвал с фашизмом, разгромленным в 1945 г., теперь вновь обеспокоен судьбой респектабельности" (стр. 86). — Разве Черчилль и Рузвельт были до 1945 г. сторонниками фашизма?

Выборы во Франции. В "Посеве" № 4 за 1986 г. напечатана статья М. Щетинского о французских выборах. Статья изумляет непониманием конституции V республики и нелепыми рекомендациями к ее изменению. М. Щетинский пишет: "Установилось беспрецедентное в истории Пятой республики двоевластие. По всей вероятности, неизбежен конституционный кризис, в результате которого деголлевская система уступит место одной из двух испытанных систем: либо чисто парламентской, либо чисто президентской". Единственное верное здесь слово — беспрецедентное. Действительно, такого за 28 лет V республики еще не было; отсюда не следует, что "этого не может быть, потому что не может быть никогда". Напротив, данный прецедент полностью предусмотрен конституцией и сейчас успешно осуществляется. По поводу таких рассуждений де Голль саркастически замечал: "Все профессора объясняют нам, что есть два возможных режима. Это очень хорошо, но почему так уж абсолютно необходимо, чтобы французский режим точно

*Странно, что редакция "Страны и мира", приписываящая нам "любопытный отклик на 40-летие победы над фашизмом" (см. "Голос Зарубежья" № 38), теперь сама реабилитирует фашизм.

относился к одной из этих категорий? Конституция Франции вполне может быть ни полностью парламентской, ни полностью президентской, она может иметь именно специфический характер”.

Со своей стороны отметим, что Франция уже испытала обе рекомендованные М. Щетинским формы — и каждый раз с катастрофическим результатом: чисто президентская II республика кончилась столкновением президента с парламентом, государственным переворотом и II империей; чисто парламентская III республика позорно капитулировала в Виши; такая же IV республика рухнула всего через 12 лет после своего создания.

”Непомерная власть французского президента, — продолжает М. Щетинский, — опирается больше на авторитет президентской функции, чем на зафиксированные конституцией полномочия. Новое большинство предусматривает переход к парламентскому прочтению конституции, якобы только до президентских выборов 1988 года, в результате которых, как предполагают, чудом восстановится деголлевская система”.

Здесь тоже почти ни с одним словом нельзя согласиться. Власть французского президента, по конституции, опирается на два совпадающих голосования — на президентских выборах и на парламентских. При этих условиях конституция предоставляет президенту право формировать правительство и управлять страной, парламент при этом имеет только контрольные функции.

Если же результаты парламентских выборов оппозиционны президенту, то тут возможны два варианта. Если президент был избран позже, чем парламент, то он распускает палату и объявляет новые выборы, в результате чего приобретает парламентское большинство, как это было сделано Миттераном в 1981 г. Если же парламент избран позже президента, то последний обязан назначить премьер-министра и правительство, пользующихся поддержкой палаты, и уступить им практически почти всю власть (кроме иностранных дел и обороны); премьер-министр называется сейчас во французской прессе — ”президент-бис”. Важно отметить, что и в этом случае не устанавливается парламентский режим: палата сохраняет контрольные функции, но управляет премьер-министр.

Но если в парламенте нет твердого большинства ни у одной партии, то президент обязан назначить президентское правительство; при продолжении неустойчивости или усилении экстремистских партий он должен объявить чрезвычайное положение, сконцентрировав всю власть в своих руках. Де Голль явно имел тут в виду недопущение ситуаций, подобных веймарской в 1933 году или ви-

шистской в 1940 г.

Наконец, выборы восстановят обычный президентский режим V республики не ”чудом”, а в силу самого факта. Если президентское большинство совпадет с парламентским, то президент вернет себе все полномочия; если не совпадет, то палата будет распущена, по образцу 1981 года.

Далее М. Щетинский рекомендует ”переход к президентской системе американского образца при восстановлении равновесия с законодательной властью”. Американская система хороша для Америки, которая находится в Заокеании. Для Франции речь идет не о пресловутом ”равновесии”; по определению де Голля ”почти век республиканская Франция была телом без головы. Необходимо, чтобы государство имело главу, т. е. руководителя, стоящего над течениями, уполномоченного решать главное, и гаранта его судьбы”.

Отметим, наконец, ошибку М. Щетинского: ”После избрания Ф. Миттеран распустил Национальное собрание и назначил новые выборы, на которых социалистическая партия получила абсолютное большинство голосов”. Это неверно — голосов было получено 38%, но по мажоритарной системе в 2 тура социалисты получили абсолютное большинство мандатов в парламенте.

Чтобы не дать такой же возможности оппозиции, социалисты перед выборами 1986 года изменили избирательный закон и приняли пропорциональную систему (с методом распределения остатков голосов по ”наибольшей средней”), но не по стране в целом, а по департаментам. Поскольку в департаменте избирается в среднем 5 депутатов, это означало, что партии, получившие меньше 20% голосов в департаменте, не получают мест в парламенте. Благодаря этому Франция в основном сохранила прочную двухблоковую систему, за исключением того, что были избраны 35 депутатов Национального фронта (из 577 мест в палате), который получил 10% голосов избирателей. Национальный фронт не вошел в правую коалицию, т. к. она не решается принять его требования вернуть на родину примерно 3 млн. иммигрантов из арабской и черной Африки. Правительство объявило об изменении избирательного закона и возврате к мажоритарной системе в 2 тура, при которой Национальный фронт потеряет свои места в парламенте. Однако голоса сторонников Национального фронта сыграют важную роль во втором туре президентских выборов 1988 года.

В ”Стране и мире” №4 Г. Ферон дает совсем фантастическую интерпретацию выборов во Франции: ”Правым так и не удалось добиться абсолютного большинства. Социалисты, вынужденные вернуться в оппозицию, выглядели

триумфаторами". Вот, однако, цифры: правые получили 55% голосов; правящая коалиция получила в палате абсолютное большинство (291 из 577), не считая 35 мест Национального фронта; социалисты получили 32% против 38% в 1981 г. и потеряли 500 тысяч голосов. Заметим также, что Г. Ферон ухитрился не сказать о Национальном фронте ни одного слова. Странно видеть, как "Страна и мир" печатает беззастенчивую дезинформацию — вполне в стиле советской прессы. Г. Ферон заключает, что "нужно отметить достоинство, с которым социалисты оставили свои позиции". Какое, собственно, достоинство в выполнении конституции, хотелось бы нам спросить...

Спецхран. О журнале "СССР — внутренние противоречия" рассказать ничего не можем. Подписаться на него нельзя и даже о выходе очередного номера объявления в прессе не

даются. Мы предполагаем, что издатель В. Н. Чалидзе своей властью поместил журнал в эмигрантский "спецхран", чтобы его не читали те, кому не положено. Но мы изумляемся, что Masarthur Foundation финансирует издательство, которое не только не распространяет свой журнал, но применяет советские методы сокрытия журнала от читателей.

Копирайт. В "Посеве" № 3 за 1986 г. приведена цитата из статьи о. Д. Константинова "Божий суд" о новой страшной болезни ЭИДС (СПИД) со ссылкой на наш журнал, но без указания его номера. Мы напоминаем редакции "Посева", что по действующим в нашем журнале правилам ~~перепечатка разрешается~~ с указанием источника. В соответствии с законами о печати, мы рассчитываем, что "Посев" в ближайшем номере опубликует поправку, указав источник: "Голос Зарубежья", № 39 за декабрь 1985 г.

В. РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Грани № 138. Переживаемые журналом попеременно взлеты и падения заставляют открывать очередную книжку с чувством любопытства: что день грядущий нам готовит? Данная — скорее удачная. Отрывок из романа В. Максимова о Колчаке — на среднем уровне; как глава, в рамках повествования, он, возможно, звучит и сильнее. А стихи В. Долиной и Н. Бодровой — прекрасные и определенно талантливые.

Однако главное место в номере занимает публицистика, разбитая на ряд отделов и сугубо разного качества. П. Вайль и А. Генис, под заглавием "Без гнева и пристрастия" (ну, и без большого искусства тоже) неинтересно рецензируют неинтересные, а частично и просто отталкивающие книги. Е. Тудоровская, разбирая "Повести Белкина", делает кое-какие меткие наблюдения; но ее основной тезис явно ложен (и наваян советским литературоведением). Пушкин не мог рассчитывать, что обманет, насчет авторства, правительство; даже если и хотел всерьез мистифицировать публику. И, уж во всяком случае, не имел намерения протаскивать тайком декабристские идеи! Мы знаем, что он к тому времени в них полностью разочаровался. Зато на те же темы декабризма, а затем, отталкиваясь от них, и на животрепещущие темы русской истории в целом, Б. Парамонов излагает увлекательные и глубокие (пусть и не всегда обязательно верные) мысли, делающие его "Канал Грибоедова" лучшей вещью в выпуске.

Е. Гессен снабдила свою статью "Новояз 1985" подзаголовком "Нелингвистические

заметки", и тем не менее предлагает нам материалы и оценки высшего сорта, равно с лингвистической и с политической точки зрения. Занятен приводимый ею пример неверного заключения, сделанного немецким филологом В. Клемперером: "Я думаю, что в будущем слово "концлагерь" будет ассоциироваться с гитлеровской Германией, и только с ней". Не тут-то было!

В эссе "Чехов и насилие" И. Ефимов правильно показывает поверхностность понимания Чеховым людской души по сравнению с Достоевским, и высказывает оригинальное предположение: "Живи Чехов сегодня, мы, скорее всего, увидели бы его в рядах демонстрантов-пацифистов".

В. Раппопорт кратко резюмирует биографию маршала Тухачевского; Л. Виленская дает сводку достижений и ограничений парапсихологических исследований в СССР.

Из "Русской Мысли" узнаем об уходе, с большим скандалом, Г. Владимова с поста редактора "Граней". Кто-то его заменит, и что из того получится?

"Русская Жизнь". Л. Ткачевская прекрасно доказывает преступность и недопустимость абортотворения: "Возможность абортов стимулирует беспорядочную сексуальную жизнь как мужчин, так и женщин, вплоть до разврата, снижает значение брака до уровня любовной интрижки... Вообще, сама постановка вопроса, что кто-то один или два, муж и жена, имеют право решить по собственной воле жить или не жить их ребенку, порочно в самой своей сути. Ведь это, что ни говори, убийство, лишение жизни будущего человека". Совер-

шенно правильно делает она и вывод: "Сегодня мы разрешим убивать неродившегося, завтра, для того же "блага общества", то есть для сокращения народонаселения, — уже родившегося, или ту или иную категорию граждан или людей чужой национальности или чужой расы". На пути зла трудно начало, а там уж — дело идет быстро...

Большой удачей газеты является опубликование "Заметок о монархических настроениях в СССР" М. Гольдштейна, содержащих важные и новые данные о чувствах различных слоев населения в подсоветской России.

К несчастью, "Russian Life" незыблемо усвоила, в разделе политических новостей, вполне нелепое написание имени выдвинувшейся ныне на Филиппинах политической дамы: ее зовут не **Коразон**, а **Корасон Акино**. Впрочем, все иностранные имена и фамилии здесь, как правило, столь же безбожно уродуются. И. Грэм выражается по-французски с сильным английским акцентом: *une femme a tout fair (sic!)*. Р. Днепров сообщает: "В Испании я больше всего люблю собор испанских приматов", путая породу человекообразных обезьян (приматы) со званием прелатов католической Церкви (примасы). Он же называет художника Иеронима Босха **Херонимусом Бошем** и упоминает про севильский ресторан "Ель Лорел" ("Эль Лаурель"?). Правда, автор сам извиняется за плохое знание им андулузийского (!) диалекта... О tempoга, o mores!

Но вот одно наблюдение Днепров действительно соответствует истине. Упомянув, что в исторической крепости, толедском Алькаzare, есть надписи для посетителей на русском языке, он добавляет: "Сделано это было, как многие говорили, по требованию офицеров испанской "Голубой дивизии", дравшейся во время второй мировой войны на восточном фронте в рядах немецкого Вермахта. Ее бойцы и офицеры отлично вели себя и горячо любили и русские просторы и русских людей". Так оно и было, и те, кто видел, как я, испанцев под Ленинградом, могут засвидетельствовать сколь они выгодно отличались от немцев.

Газета с каким-то вызовом коверкает испанские фамилии во всех своих сообщениях о Латинской Америке. Например, Дельвалле, Мурилло, вместо Дельвалье и Мурильо (та же ведь фамилия, что и у знаменитого художника!). Неужели сотрудники "Русской Жизни" не в силах понять, что испанское *ll* всегда передается по-русски как *ль*?

"Русская Мысль". А. Копейкин живо и, видимо, верно рисует картины мексиканского быта. Однако в Мексике нет города Гуэрнавака; есть Куэрнавака. Впрочем, тут вряд ли вина автора; скорее, редакции, с которой, ввиду ее культурного уровня, взятки гладки.

Присоединимся к удивлению нашего сотрудника Е. Кармазина (см. "Голос Зарубежья" № 40), что парижский еженедельник никогда не упоминает про Эйдс, словно бы данного явления не существовало! А ведь для того круга его читателей, который смакует стихи Кавафиса, повести Кузмина, рассказы Штейгера и статьи Адамовича, сей вопрос должен представлять живейший интерес: *de te fabula narratur!*

Воссе нетипично, и потому неожиданно на страницах "La Pensée Russe", умное и удачное исследование В. Бетаки о Н. Гумилеве "Избранник свободы", заканчивающееся словами: "А мужества поэту было не занимать..." Странно только, что он, перечисляя зарубежные издания Гумилева, обходит молчанием четырехтомник стихов, составленный В. Завалишным (Регенбург, 1947), который, из всех имеющихся, пожалуй, лучше всего соответствует цели приблизиться к тому "идеальному" выбору, который соответствовал бы желаниям автора.

Напротив, эссе А. Радашкевича "Годовщина одной легенды" коробит неоправданным стремлением преуменьшить значение таганцевского заговора и роли в нем Гумилева. Особенно неприятно выглядит обвинение поэта в позе и в бравате. Откуда сие взято? И. Одоевцева говорит вовсе другое: в гостях у Гумилева, она открыла ящик письменного стола и увидела пакет с деньгами; он был смущен и недоволен, и поспешно запер ящик на ключ.

Воспоминания К. Померанцева о С. Маковском выдержаны в том же неприятном тоне, что и о других современниках, имевших несчастье встретиться с данным господином (который, вполне разумно, и пишет "Сквозь смерть", т. е. о тех, кто уже возражать не могут...). Маковский был поэт милостью Божьей, а отнюдь не беспомощный версификатор, как его обзывает мемуарист. Зато вот к самому себе сей последний абсолютно правильно применяет определение: **плохо воспитанный версификатор**.

"Часовой" № 659. Н. Нефедов яростно атакует В. Богдан за ее статью в "Нашей стране". Но, при ближайшем рассмотрении, заметно, что он не понимает или (что вероятнее) притворяется будто не понимает формулировки своей противницы. Что тем менее ему извинительно, ибо его собственные определения часто вовсе нелогичны. Например, указав на вину латышей и евреев в революции, он продолжает: "Никогда не упрекались в "делании революции" грузины, армяне, литовцы, латыши, эстонцы, туркмены и др." Тут уж налицо прямое противоречие с самим собою. Слова же Богдан, что революцию сделали русские вкуче имеют, разумеется, тот смысл, что все народы России в ней участ-

вовали; а не тот, чтобы русские или любая другая народность Империи поголовно подерживала красных. Ведь и среди латышей и евреев — как и среди всех племен России, — были как сторонники, так и противники большевиков. Насчет же специально обвиняемых народов, кроме евреев и латышей, называют еще венгерцев и китайцев. Но их роль вызвана случайными факторами: скопление в России австрийских военнопленных и привлеченных на работу китайцев, которым некуда было деваться. Состав компартии и советского правительства был самый пестрый (поляки, грузины, армяне...); а личное происхождение Ленина не может иметь какого-либо значения: он себя считал, и все его считали русским. А что Нефедов хочет чем-то уколоть левых третьеволновиков за поношение ими Белого Движения, — плохой довод; не надо превращать полемику в перебранку, и уж решительно не следует фальсифицировать историю в пылу драки! Очень забавно притом, что Нефедов как бы рекомендует "Нашей стране" больше не печатать В. Богдан. Тогда как она там — давняя и высокоценяемая сотрудница, а он сам в качестве сотрудника появился без году неделю; да и большой вопрос — полезно ли газете его сотрудничество.

С. Бадаш, письмом в редакцию, возражает тому же Нефедову по другим вопросам, и в основном справедливо. Выделим, однако, у него один абзац, наводящий нас на серьезные сомнения: "При всем уважении душевному к 1-й волне, сражавшейся против большевизма за свободную Россию, чувствуются часто нотки обиды с ее стороны, что новая 3-я волна заняла в эмиграции главенствующее положение... Но ведь это естественно, ибо эти люди перенесли на своей шкуре более 60 лет диктатуры коммунистов... Поэтому эти нотки обиды малоосновательны". Почему же пассивное многолетнее перенесение обид ставится 3-й волне в заслугу?! За это можно жалеть, а восхищаться тут нечем. И потом; зачем же надо отгеснять до новейшую эмиграцию, а не сотрудничать с нею (что было бы куда полезнее)? Кроме того: почему же Бадаш полностью игнорирует 2-ю волну, упоминая лишь о 1-й? Это вот — одна из самых отвратительных черт левого крыла новейшей эмиграции, с которой очень трудно примириться.

"Страна и Мир" № 1—2. Выпуск можно бы назвать набокковским: автору "Лолиты" посвящено 2 письма в редакцию и обстоятельное эссе Е. Юнг "Независимый ад". Нам лично сдается, что репутация сперва русского, а потом американского писателя принадлежит к числу тех, которые потомство, в России, а там и на Западе, по всей вероятности, радикально пересмотрит. Напомним, что русское зарубежье к романам Сирина отнеслось хо-

лодно (проявив, полагаем, в сем случае хороший вкус). Зато когда его признали в США, все снобы поспешили слиться в кликах восторга, и самое обсуждение вопроса стало отныне невозможно (подразумеваем: на известный отрезок времени).

Не отрицаем наличия у Набокова таланта; но он свои способности подкосил непрерывным позированием и пошлыми псевдооригинальными ужимками; к чему еще надо прибавить исповедуемый им голый аморализм. Сии свойства никому из мыслящих ясно русских эмигрантов не импонируют. А тут еще и его отношение к России... Оно — прямо-таки противоположный полюс нашего! Ибо Набоков ненавидит и презирает всякую Россию (чем он отчасти и находка для американцев); царскую, в силу впитанного им с пленок отвращения к якобы реакционному старому режиму; либерально-интеллигентскую, заклеянную им в лице Чернышевского, в силу обнаружившегося, в том числе и для него, безумия ее действий, породивших революцию; и, само собою, советскую, в которой он не разбирает и не хочет разбирать ни лиц, ни взглядов, ни оттенков (в чем он похож на Бунина; только еще причудливее и несправедливее). Мы же, наоборот, живем любовью к России и упованием на ее будущее; и, естественно, нам с ее убежденным хулителем не по пути.

Е. Юнг по этим проблемам, слегка их касаясь, скользит; и тает в восторге перед создателем картонных, не то что фантастических, а натянутых и насквозь надуманных химер, несуществующих стран вне времени и пространства, всяких *Терра* и *Зембля*, в которые укрылось под конец его жизни творчество когда-то русского романиста, превратившегося в производителя бестселлеров на английском языке (никому не понятных и, собственно, не нужных; но раскупаемых по указке моды). Внимательный читатель сам придет к выводам, ускользающим от не в меру ретивой поклонницы.

Спор между Г. Барабтарло и И. Ефимовым идет о более узком вопросе перевода Набокова по-русски и норм, коим тут надлежит следовать. Скажем, что И. Ефимов не вполне логичен. Он упрекает Барабтарло за старомодный, на его взгляд, язык и, конкретно, за употребление слов *фильма* и *санатория*. Но ведь Набоков-то покинул Россию в 1922 г., когда именно такие формы и являлись нормою. Не прав ли Барабтарло, восстанавливая на его родном языке те обороты, которые употребил бы (и, вероятно, употреблял в жизни) сам сочинитель перелагаемых им с английского "Пнина" и "Ады"? Более сомнительны написания *фамилья* и *миньятюра*; может быть, Набоков так и говорил, но в литературном языке они принятыми не яв-

ялись никогда. Другие критикуемые Ефимовым конструкции иногда не совсем удачны, а иногда и вполне допустимы (и не поймешь, за что он к ним придирается), с другой стороны, вопреки Барабтарло, не видим, почему нельзя сказать: "Бабочки — любимые существа Набокова", да и "наличие процесса у Иосифа К.". Можно бы выразиться изящнее, но ничего принципиально неприемлемого в этих словосочетаниях нет.

Б. Хазанов, подробно рецензируя книгу Ю. Милославского "От шума всадников и стрелков" (Анн Арбор, 1984), сам ставит вполне уместный вопрос: "Зачем так долго распространяться о книге, которая очевидным образом не заслуживает обсуждения, которую не стоило издавать, не стоит читать, о которой в лучшем случае можно было упоминать... как о литературном курьезе?" Вроде бы и незачем. Но, отметив дальше цинизм и нарочитую вульгарность, характерные для разбираемого им сборника рассказов, Хазанов продолжает: "Можно назвать десяток литераторов, в том числе довольно известных, которые с упоением предаются художественным упражнениям в точно таком же роде". Что же, назовем одного: Б. Хазанов в сборнике "Я воскресение и жизнь", и особенно во входящей туда повести "Антивремя"! Правда, что Хазанов не прибегает к словечкам типа хавать хаванину, как Милославский, но реалистическое описание подсоветской студентки 40-х гг. (где он таких встречал?!), имеющей половую связь с родным братом, а другую, с соучеником, — противоестественным методом, ничуть не менее омерзительны, чем у того. Тот же Хазанов, в "Письме на родину", извещает нас о себе: "Должно быть, я всегда был плохим патриотом". Несомненно, так; и похвально, что он это сознает и признает.

В "Двух письмах из Парижа" Е. Эткинд, к нашему недоумению, считает, видимо, Метерлинка — французом! А тот был бельгиец, и точнее — фламандец. Что до причуд распорядителей Нобелевской премии, отведенной сейчас нечистаемому и мало кому известному прозаику, — как изъясняется Эткинд, — К. Симону, их капризность публике знакома.

В. Флюссер длинно и неубедительно толкует о том, почему он не прижился в Бразилии и перебрался в Прованс. Отметим прескверное новшество под его пером: Сан Паулу, вместо общепринятого и традиционного Сан Пауло. Так же неудачно и написание редакцией фамилии польской журналистки, отрывки из книги которой журнал воспроизводит: Гораньская, через мягкий знак. По-русски пишется Мария Лещинская, Феликс Дзержинский, Гозне-Вронский. Даже и "Континент" за последнее время имел здравый смысл отказаться от макаронических транскрипций через нь.

М. Дейч адресует письмо В. Катаеву, обличая того в измене заветам русской интеллигенции. Такого завязатого лгунишку, как Катаев, бичевать легко; да стоит ли игра свеч? Впрочем, тем временем он переселился в мир иной; там и даст ответ.

Против ожидания, во всем согласимся с С. Максудовым, полемизирующим с Д. Поспеловским о демографических проблемах России: "Действительно, в последнее десятилетие численность ряда мусульманских народов нашей страны растет довольно быстро. Но почему же это катастрофа для славян?" Вот и мы катастрофы не видим (тем более, что, как показывает Максудов, численность славян тоже растет). Наоборот, если бы мусульманские народы вымирили, это было бы катастрофой и позором для России. Сии страхи подкинута нам врагами России, с легко разгадывающейся целью: побудить нас добровольно отказаться от областей с иногородным населением. Глупо с нашей стороны будет плясать под дудку злых и чужеземных сил!

В соответствии общему своему духу, журнал злорадно ликует над падением правых режимов на Гаити и Филиппинах, словно коршун, пляшущий над трупом льва. Куда ведут подобные перевороты, предсказать нетрудно: к торжеству коммунизма. Неумная Америка предаст союзников одного за другим: спохватится, да поздно! Более трезвые русские журналы так и смотрят (например "Панорама", где об этом писал Б. Хершензон). Но у "Страны и Мира" — особая политическая оптика... Вот если падет диктатура Кастро — какие слезы здесь прольются!

Специально отвратительна восторженная статья К. Любарского о теологии освобождения, движения среди католиков и протестантов в Латинской Америке, о коем он сам уточняет, что оно находится под сильным марксистским влиянием. Сии иуды воистину воздвигают хулу на Духа Святого, извращая суть христианства. Они не уйдут от кары Божией, на земле или на небе; мы же — отвратим от них глаза и не станем о них говорить.

И №3. Настолько пустой, что о нем и толковать нечего.

"Cahiers du Monde Russe et sovietique" №26 (1). Французский журнал заполнен материалами... на английском языке. Из них лучше остального ценная фактическими данными статья И. Крейнделер "The Mordvinians". К сожалению, автор следует обычным у иностранных славистов торным дорожкам русофобии. Несерьезность ее обвинений самоочевидна. Ее сердит, зачем мордва была подчинена тем же повинностям, что и русские крестьяне, включая рекрутский набор. Но национальное угнетение начинается там, где

делают разницу между главенствующим народом и подчиненным. Можно ли жаловаться на уравнение? Впрочем, положение мордвы было легче, чем у русских: она в большинстве причислялась к государственным крестьянам. Другой пункт недовольства — обращение мордвинов в христианство. Но их примитивное язычество не в состоянии было держаться в соперничестве с христианством и исламом; оставался лишь вопрос выбора. Новую же веру мордва приняла в целом легко и прочно в ней утвердилась (в отличие от иных инородцев, отпадение и двоеверие почти не наблюдались). Что мордовская элита руссифицировалась, являлось неизбежным (мордвин родом был, как известно, патриарх Никон), притом именно русские православные миссионеры, в особенности Н. Ильминский, создали мордовскую письменность, в двух ее вариантах, эрзянском и мокшанском, и выковали кадры мордовской интеллигенции, сыгравшей позже главную роль в возрождении мордовской народности, в мордовской литературе и вообще культуре. Переходя к нашим дням, Крейндлер показывает, что вопреки утверждениям об ассимиляции мордвы, она остается самой многочисленной из финских народностей СССР, насчитывая, по переписи 1970 г., 1191800 душ. Число не растет, по причине обрусения; но оно касается преимущественно людей, живущих вне Мордовской АССР, и началось лишь недавно, вследствие определенной политики властей. В целом, нет оснований ждать исчезновения мордовского языка и слияния мордвы с русскими, вопреки принятым на Западе представлениям. Жаль, что статья слишком коротка, и ряд вопросов затронут лишь вскользь (о мордовских газетах, журналах, писателях и пр.).

Дж. Клэй в статье "God's People" разбирает историю хлыстов и высказывает предположение, что их название произошло как искажение слова *христовщина*, применявшегося сначала к их секте. Это фонетически маловероятно. Остальные статьи менее значительны.

"Наша Страна". Придравшись к весьма невинной фразе В. Завалишина в "Русской Жизни" о художнике Малевиче, что он был "человеком смешанных русской, белорусской и польской крови", Н. Нефедов обвиняет автора в сепаратизме и пускается в зыбкие суждения и неверные утверждения о белорусах. Его возмущает мысль, что у тех иная кровь, чем у великороссов. На деле, конечно, белорусы ничем не хуже и ничем не лучше великороссов, и наши племена между собою в близком родстве. И, все же, кровь — в смысле этнического происхождения и типа — не совсем та же, как хорошо известно антропологам; ибо великороссы суть продукт

смешения славян с финнами, а белоруссы — с балтийцами. Русские мирно поглотили обитавшие некогда на нашей теперешней родине народности (меря, чудь, весь и др.), об истреблении или вытеснении которых нигде не упоминается; белоруссы же заняли земли, прежде населенные предками латышей и литовцев. В остальном, и поляки славяне (и вряд ли не самые чистые); почему же сомнением, что у них с нами разная кровь, Нефедов охотно мирится? Не совсем верно и его заявление, будто белоруссы никогда не имели отдельного государства: они веками входили в состав Великого Княжества Литовского, где их язык служил официальным. Разница у немцев существует тоже, и по сходным причинам: пруссаки представляют собою онемеченных балтийцев, баварцы суть смесь германцев с кельтами. Впрочем, к лицу ли воевать против сепаратистов Нефедову, сотрудничающему в "Вече" и чьи расчленительские взгляды убедительно изобличила недавно Е. Веденеева в той же "Нашей Стране"?

П. Колтыпин с энтузиазмом перечисляет заслуги епископа Григория Граббе, ныне снятого Синодом с поста его секретаря; но умалчивает отчего-то об его связях с самозванцем Голеньевским, выдающим себя за цесаревича Алексея Николаевича (!), которого он обвенчал с его находившейся на сносях сожительницей со всеми почестями, подобающими фальшивому его сану.

Поражает нелепость хвалебная рецензия Г. Власова на книгу П. Орещина "Вавилонский феномен", утверждающую, будто бы славянский язык был первоначальным языком человечества, и на его основе можно расшифровывать этрусские и египетские тексты! Странно, что в наши дни возможно опубликовать такую галиматью; а уж всерьез ее разбирать и вовсе бы не подобало.

"Наши Вести" № 401. Радует отсутствие чудовищного О. Полякова. Исследуя вопрос об авторстве "Слова о полку Игореве", Н. Протопопов чересчур поспешно присоединяется к подсоветскому романисту В. Чивилихину, считающему, что оно сочинено самим князем Игорем! Гипотеза малоправдоподобная. П. Терский в статье "О советниках и "советчиках" Президента" справедливо изобличает руссофоба Р. Пайпса и отмечает заслуги перед Россией писательницы С. Мэсси. С. Гаков опровергает обвинения Солженицына в антисемитизме, стоит ли спорить против такого вздора? Несколько заметок посвящено воспоминаниям о кошмарной, ужасающей выдаче в Лиенце. Кровь невинных жертв поистине вопиет к небу. И подумать, что виновники еще частично живы и ничем не наказанные ведут спокойную и счастливую жизнь на Западе!

"22" № 44. В прекрасном и большом письме

в редакцию, Н. Коржавин в рамках идущей в журнале дискуссии и, возражая, в частности, В. Левитиной, защищает А. Куприна от упреков в антисемитизме. Хотелось бы его письмо — в сущности, целую статью, — воспроизвести полностью, но, поневоле, ограничимся отрывками: "Вообще-то я уже привык к тому, что лица, только что покинувшие СССР, — и особенно, если они "национальной ориентации" — поначалу считают своим долгом смачно плюнуть в сторону оставленной родины. Хотя вроде бы зачем? Почувствовал себя чужим — отвернись и забудь. Так ведь спокойней. Но нет, надо все дотла "разоблачить", надо не только плюнуть, а еще и подчеркнуть, что плюешь в сторону не советского строя, а именно страны. Легче от этого, видно. Часто с этим связано и желание как можно быстрее взлететь на высоту современной свободной мысли, которая, по слухам, вся относится к России пренебрежительно и не делает различия между нею и СССР. Иногда играет роль и подспудное убеждение, что такие прискорбные вещи, как антисемитизм, свойственны только дикой России, а в здешнем благорастворении воздуха просто немислимы — ведь здесь газоны подстригались столетиями..."

Я, например, ощущал и ощущаю Россию своей родиной и мне неприятно, когда за меня расписываются в принципиальной чуждости ей. Не меньше, чем когда меня пытаются отлучить от нее антисемиты — на том же основании. Ко всем, кто так делает, я отношусь как к людям, посягающим на мою жизнь".

О. Кустарев, в письме, напечатанном рядом, тоже заступает за Куприна, и тоже убедительно, но слабее.

"Панорама". По поводу протестов американской левой интеллигенции против какого бы то ни было высмеивания Советской России в печати, Т. Шуман справедливо восклицает по ее адресу: "Каждая левая "личность" прекрасно понимает, что делает. Хоффы, Рохлины, Джейн-Фонды и Пол-Ньюманы отлично знают, что их личное богатство и слава зиждятся на предательстве Америки и на угодничестве перед красным фашизмом СССР".

В эссе "Кто убил Есенина?" С. Довлатов правильно возлагает вину на советскую власть. Но его тезис, будто Есенин восторженно принял революцию, несколько сомнителен. А почтительно цитируемый им отзыв об Есенине Ходасевича просто и совсем не верен и пристрастен. Почему Ходасевич, талантливый критик и скромный по таланту поэт, вообще сильно не любил Рязанского Соловья, — здесь доискиваться невозможно. Но слова его об Есенине: "Он отрекся от Бога во имя любви к человеку" — вовсе не по его адресу. Будь то о Маяковском, иное дело. А у великого крестьянского поэта отречение от Бога ни-

огда не было ни полным, ни последовательным; можно скорее говорить об его мучительных метаниях, понятных на фоне эпохи.

Тот же Довлатов, рецензируя книгу Р. Орловой о Хемингуэе, вполне трезво объясняет угасание популярности американского писателя в Советском Союзе, начиная с 70-х гг., "когда люди потянулись к более глубоким формам духовности": "Для этого поколения Хемингуэй был слишком прост и однозначен, его эпоха — чересчур заземленной и материалистической, а его мораль — банальной, наподобие древнегреческого лозунга: "В здоровом теле — здоровый дух". Все чаще русское общество убеждалось, что в самом здоровом теле может гнездиться рабское заячье сердце, а слабая и хрупкая телесная оболочка сплошь и рядом оказывается вмещением подлинной духовности".

В эссе "Пассажиры с парохода современности" П. Вайль и А. Генис констатируют интерес к литературе у русских и слабость такового у американцев. Но вовсе напрасно они это приписывают желанию русских хвастаться своей культурностью! Такие чувства присущи лишь полуинтеллигенции; а у настоящей интеллигенции отношения с литературой совершенно иные. Но вряд ли Вайль и Генис способны это понять. Совсем уж зря берут они под защиту Писарева, Маяковского, Синявского и прочих хулителей Пушкина, которых ни в Зарубежии, ни в России никто и слушать не хочет.

Е. Наклеушев, в отделе "Юморама" приводит слова Кромвеля, при виде приветствовавшей его толпы: "Их было бы еще больше, и они кричали бы еще громче, если бы меня везли вешать". И комментирует: "Мораль? Кромвель был умный человек". Кромвель был тиран и узурпатор, и народ за дело его ненавидел. Плохой пример, если он дан для иллюстрации слепоты или непостоянства масс. А что победителя приветствуют и ему льстит — таков уж порядок вещей.

"Вестник Р. Х. Д." № 146. В связи со 100-летием со дня рождения Н. Гумилева Н. Струве выражает сожаление, что сия годовщина будет замолчана у нас на родине. Право, не стоит жалеть! Сколько лжи было бы сказано... Пожалею о другом: его и за рубежом, на свободе, не умеют ни понять, ни оценить. Сам Струве констатирует: "К Гумилеву-поэту принято в некоторых интеллигентских кругах относиться с некоторым, я бы сказал, снисхождением". Да и он от такого вот отношения не свободен; и не сознает, что речь идет о великом поэте, одном из величайших в нашей литературе.

Гумилеву же посвящен симпатичный и содержательный отрывок из воспоминаний В. Срезневской. Она ставит вопрос, кто был главной в жизни любовью поэта? Если такое

можно спрашивать, то, — на основе его творчества, — это место в его сердце принадлежало загадочной Елене, Синей Звезде, о которой литературоведы упорно молчат (а почему?!). Упоминания же об Ахматовой всегда у него несут отзвук роковой страсти, без удовлетворения и без успокоения.

Продолжая спор об авторстве "Романа с кокаином", которое он приписывает В. Набокову, Н. Струве отыскивает кучу хитроумных и замысловатых доводов... которые ни в чем не убеждают.

В коротеньком фрагменте из "Марта 17-го" Саша Ленартович активно участвует в революции. Другого от него мы и не ждали, по его поведению в прежних главах.

"ВЕЧЕ" № 21. Альманах открывается чудесной статьей В. Вулич "В защиту России". Она отмечает переиздание в Западной Германии альбома гнусных карикатур на Россию руки знаменитого художника Г. Доре. Какой подарок руссофобам! Наши плюралисты, верно, накинуся... Курьезно, что альбом сей первоначально возник во дни Крымской войны, в ходе которой, однако, по свидетельству участников, русские и французы равно дрались храбро и по-рыцарски (англичане меньше) и научились друг друга уважать. Впрочем, во Франции после заключения мира оный альбом был изъят из продажи. Затем автор переходит к наброску русской истории, в основном верному и хорошо изложенному. Добавим еще, что вероятно ее же перу принадлежит очерк "Лжецы" о западных дезинформаторах по вопросам России, как Уэльс, Барбюс, Шоу, Роллан, Сартр и tutti quanti.

Но вот что поразительно. Верные и глубокие мысли Вулич находятся в прямом противоречии с линией печатного органа, где ее произведения напечатаны! Она горячо отстаивает единство России, — а ведь все главные, ведущие сотрудники, как О. Поляков, Т. Савченко, Н. Нефедов, суть убежденные адепты расчленительства. Она защищает монархию, — а мы знаем, что самое это слово в "Вече" под запретом; его разрешается употреблять только Полякову — для поношения и отрицания монархической идеи. Она твердо стоит за честь русского народа, — а на страницах "Веча" эстонский шовинист С. Солдатов (которого, вроде бы, нигде в русской либо русскоязычной прессе в другом месте и не публикуют) столь нагло изгиблялся над Россией и русскими, как, кажется, до него никто другой.

Тут не приходится говорить о терпимости или о широте платформы — мы перед лицом прямо противоположных позиций. Пребывание Вулич с такими людьми под одной крышей есть прямой нонсенс. Впрочем, в "Нашей Стране" Н. Нефедов уже ее яростно

атаковал с позиций тотального антисемитизма (усмотрев у нее чересчур доброжелательное отношение к евреям). Наоборот, то, что Вулич говорит сейчас, можно бы беспрепятственно поместить в "Голосе Зарубежья" или даже в "Нашей Стране"; словом, в любом органе, стоящем на патриотических российских позициях.

Иг. Г. Эйкалович защищает В. Соловьева против обвинений Л. Келер, в частности, в алкоголизме. Он, в основном, прав. Но для Л. Келер, видимо, даже самое умеренное вкушение спиртных напитков есть смертный грех; надо ждать с ее стороны беспощадной отповеди! Вот и А. Вербов одергивает (полагаем, резонно) В. Аксенова, который тоже отчитывает русский народ за пьянство, хотя похоже и сам не дурак выпить. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней.

Основной идеолог "Веча", О. Поляков, выступает с атакой на редактора "Нашей Страны" М. Киреева. Печально, что приемы его полемики постоянно близки к жульничеству. Например, в аргентинской газете есть два отдела: "Библиография", где разбираются книжные новинки, и "Среди книг" — своего рода литературный архив, где обсуждаются, в основном, старые книги (иногда — 20-х или 30-х годов), чем-либо интересные с точки зрения наших дней. Законно было бы критиковать качество или даже цель таких рубрик. Но зачем же их путать?! А Поляков издается, будто "Наша страна" теперь дает рецензию на роман И. Ефремова, изданный в СССР в 1964 г. О книге же М. Геллера про советскую научно-фантастическую литературу, хотя она и новая, он почему-то считает, что писать вообще не следовало (не давая никакой мотивировки!). Оттого, что она не касается политики? Так даже и это неверно: касается. Или потому, что читатели "Нашей Страны" не должны такими темами интересоваться? Так не лучше ли оставить решать им самим?

Еще он атакует газету за нападки на Н. Т. С. Это даже странно: там часто выражается, напротив, симпатия к солидаристам и дискотируется вопрос о сговоре между ними и монархистами. Конечно, выражались и другие мнения; но неужели надо было свободных высказываний не допускать?

Отстаивание же г-ном Поляковым его уже нам известных убеждений, будто за большевиков стоял и стоит русский народ в целом, будто революцию сделала героическая молодежь с самыми благими намерениями, и пр. в том же духе, — уже нас не удивляет, хотя и вызывает возмущение.

"ЗАРЯ" № 9. О парижском журнале мы уже писали, что в нем сочетается хорошее и плохое; но плохого-то больше. Так и в этом номере. Передовица В. Пименова кончается словами: "В настоящее время под натиском

терроризма и щедро оплачиваемых Кремлем "пятых колонн" демократия входит в полосу нищеты. Ее может спасти только та же свобода, при которой девятый вал народного гнева сметет ее и заменит монархией". К сожалению, монархические чувства Пименова трудно увязать с систематическим охаиванием русского прошлого и русских царей, волной льющим на страницах "Зари" (особенно злая она на Николая I).

Программа расчленения России, выдвигаемая редакцией, не нова: ее применяли немцы — и кончилось худо; применяют американцы, и вряд ли кончится хорошо. Но, похоже, из народов России с г-ном Николаевым и К° готовы сотрудничать покамест одни казакийцы. А ведь независимая Казакция, — это вовсе бред, не нужный большинству казаков ни в Зарубежии, ни в подъяремной России.

С фактической стороны представляет интерес начало неподписанной статьи "Атлантический вал", где упоминается, что общее число добровольцев из России на немецкой службе во Франции достигало 50000 человек.

Рассердившись на мою рецензию об его книге "Как это было", помещенную в "Нашей Стране", А. Николаев строго наставляет меня (с легким французским акцентом): "Это большое сумасшествие считать себя мудрее всех..." Вот уж не по адресу! Я как раз исповедую взгляды старые и традиционные, от себя ничего не выдумывая; те взгляды, о коих можно сказать, словами Гумилева, что они доставили

нашим предкам великую славу.

Именно: я не мудрее их, и лучше них ничего выдумать не пытаюсь. А какими всеми меня пугает мой почтенный оппонент? Каким большинством? Эмигрантских журналистов? — я их не убоюсь, даже сплотись они против меня. Народа в России? Так кто его спрашивал, и кто его волю знает? Мои взгляды, по крайней мере, те, какими много веков жило наше отечество. Воззрения же редактора "Зари" суть нечто замешанное на большевистской пропаганде с добавлением самостийнических лозунгов и плохо переваренных идей, надерганных без толку и без выбору из европейских философов.

Трудно понять, за что, зачем и в каком смысле он меня сравнивает с Савонаролой? Но, скорее всего, объяснение надо искать в подстрочном примечании, где сказано (для шибко культурных читателей журнала): что не Жером Савонарола (?) за свои выступления против папы был экскоммуницирован (!..) и сожжен на костре. Ну, вряд ли за выступления против г-на Николаева меня казнят; если он и воображает себя римским папой, то кто же, кроме него самого, верит в его непогрешимость?

"Синтаксис" №14. Номер в значительной части занят литературоведческими материалами — изысканными, претенциозными и крайне скучными, да и бессодержательными. Но — в добрый час! Пусть уж лучше "Синтаксис" занимается литературой, чем политикой, притом — у многих ли хватит терпения читать размышления о литературе г-д Ж. Нива, А. Жолковского, А. Синявского и г-жи Н. Рубинштейн? Впрочем, для последней сделаем исключение: ее очерк о В. Шкловском написан живо и не лишен достоинств. Э. Коган, рецензируя "Красное колесо", брызжет ядовитой слюной на Солженицына. О природе критика лучше всего говорит одна черта: царя Николая II он все время именует Романов. Так не хамят обычно даже большевики. Чтобы дать представление об его стиле, цитируем: "Консервативная утопия Солженицына восходит, несомненно, на марксистских дрожжах". А такие вот комментарии — на коммунистических!

Солженицыну же посвящен и залп из тяжелой артиллерии пера самого Синявского, кончающего словами: "Ни фуя себе — "Литературная жизнь". К самому данному эссе и к деятельности его автора сии слова и отнесем; тогда они будут кстати.

О бездарном, как всегда, рассказике Ф. Горенштейна, отметим появление в нем подсоветских монархистов, которых он с весьма сильной натяжкой делает в то же время сталинцами. Очевидно, здесь проявляются опасения левого сектора диссидентов, пытавшегося узурпировать и монополизировать оппозицию правительству.

Ударная статья (передовица) — руссофобское "Слово" латыша Гунара Астры. Синявский утверждает, что, при встрече в концлагере, пытался тому объяснить: "что это не русские виноваты в его национальных несчастиях, а советское государство", и получил в ответ: "Ну и убирайтесь к себе в Россию и делайте там, что угодно и сколько влезет. А мы не хотим. Мы русских не любим".

Науськивание прибалтов на русских усиленно практикуется темными силами. Взглянем разумно. Маленькая Латвия не в силах воевать с Россией (любой). А Запад ее предал самым циничным и бесстыдным образом (как и Литву, и Эстонию... Да кого он не предавал!). Наоборот, вместе с русским народом латышский мог бы с успехом бороться с большевиками; возможно, и победить. Об остальном нетрудно бы потом сговориться. Но вот такие безобразные антирусские взвизги — они могут в дальнейшем сделать невозможным разговор ни с какой Россией.

"Континент" №47. Стихи И. Лиснянской на сей раз мало привлекательны. Ей случалось писать лучше. Стихи А. Сопровского симпатичны по мыслям, но не блещут по форме;

таковые П. Антониюка, мягко выражаясь, отвратительны. О покойниках полагается говорить лишь хорошее; но ничего хорошего о поэтическом творчестве Ю. Иваска сказать мы не в силах. Иное дело Л. Владимирова; то, что она пишет, все же поэзия; хотя каких-либо новых достижений у нее не заметно. Н. Коржавин, пожалуй, — самый талантливый поэт в 3-й волне; жаль только, что его стихи здесь проникнуты столь глубоким пессимизмом.

Слетав в будущее на машине времени, В. Войнович заверяет нас, что в СССР через 60 лет режим не изменится. Страшен сон, да милостив Бог! И. Лапидус на 46 страницах натуралистически описывает умирание от старости ничем не интересной и ничем не симпатичной еврейки; и это еще не все! — продолжение следует. Невольно вспоминается куплет из частушки:

Помереть не померла,
Только время провела.

А. Зиновьев в пьесе "Рука Кремля" едко и остроумно высмеивает Запад (политика коего столь смешна, что оно и не трудно) и его лозунги, типа: "Каждый гражданин имеет право грабить банки". Беда в том, что вполне серьезные политические выступления Зиновьева в других местах до того одиозны, что его и вообще печатать неудобно. Ю. Мамлеев — один из самых одаренных сотрудников журнала; но его рассказ грешит чрезмерным лаконизмом: слишком многое предоставляется воображению читателя (а оно не у всех и имеется...)

В отделе публицистики мы находим лучшее в номере: статью итальянского журналиста Л. Лами, изобличающего дезинформацию публики, осуществляемую прогрессистской печатью, а ровно радио, телевизором и пр. на Западе. Автор основательно осведомлен и бесстрашен в своих разоблачениях. Он правильно указывает, что в странах Третьего Света "эксперименты уже провалившегося марксизма стоят потоков крови"; а между тем: "Западу страшно, он отворачивается". Привыкнув "возмущаться лишь американцами во Вьетнаме или Пиночетом в Чили", М. Михайлов затрагивает интересную тему о положении внутри Албании сейчас и об ее истории; но его очерк так краток и поверхностен, что ничего нового нам не дает.

В отделе критики Г. Келерман пытается защитить Маяковского от атак Карабчиевского; но ее аргументы не особенно убедительны. Она находит его наружность чарующей: это субъективно; и его культуру глубокой: это несколько сомнительно. А уж как можно защищать его ультрареволюционные взгляды, — как говорится, *cela nous écharpe*.

"Русский американец" № 18. Большой двуязычный журнал, по-русски и по-английски, излагает и резюмирует цели организации, именуемой Конгресс русских американцев, созданной в 1973 г. К числу главных своих задач она относит защиту прав человека и борьбу с руссофобией, — в чем трудно ей не сочувствовать. Несколько интересных исторических очерков посвящены трагической ошибке — уступке Россией Америке Аляски.

"Новый Сатирикон" № 8. Как и прежде, в журнале ничего веселого нет. Мысли участников вращаются в заколдованном кругу: старость, болезнь, смерть... Подобные темы могут быть грустными, страшными или отвратительными; но отнюдь не комичными. Ну пусть может смеяться молодежь (ей кажется, что с нею такого не будет); но, как острит сама редколлегия, ее членам втроем 250 лет. О главном редакторе нам тут же сообщается, что он питается стервями, и потому: "Некоторым дамам не рекомендуется подходить близко". Оно верно; и не только дамам. Запах тления ясно ощущается. Сдается, впрочем, виновато не входящее, а исходящее.

Выделим письмо в редакцию некой **Олеги**, под названием "Журнал "Крик зарубежья". Сарказмы оной по нашему адресу, — недаром она последняя буква в алфавите! — не подымаются выше того, чтобы писать вместо "Доктор Вера Пирожкова" — **Фройляин Вера Блиничкофф**. Что же, ведь и мы бы могли потолковать подробнее о журнале "Ветхий Сатириазис" под редакцией Ветлина и Обрезуха. Да уж, пожалуй что, не стоит и труда.

Отметим только, что "Новый Сатирикон" берет на себя обязательство защищать от наших посягательств **Олега Полякова**, пишущего на национальные русские темы. Уточним, что его творчество включает признание идеалов Октябрьской революции и готовность расчленив на куски Россию. Ну да, надо полагать, такие партизаны, как новосатириконцы, большого проку ему и не принесут...

NB. *Н. Нефедов переслал мне письмо Н. Тетенева к нему (Нефедову) от 28.7. с. г., где Тетенев утверждает, что мое письмо, отрывок из которого он опубликовал (см. "Г. З." №39) переслал ему не Н. Нефедов, а некто из Санкт-Петербурга, Флорида. Н. Нефедов пишет в сопроводительном письме, что это — первое письмо в его жизни, которое он получил от Тетенева. Тем не менее обращение "дорогой Николай Алексеевич" и письмо выдержано в дружески доверительном тоне. Ну что ж, бывают люди, которые с первого письма становятся фамиллярными.*

У меня в Санкт-Петербурге есть лишь один корреспондент, который не мог переслать моего письма Тетеневу. Но пусть Тетенев назовет фамилию.

Однако издатель и редактор "Вече" О. Краковский в письме от 27.7. с. г. сообщает мне, что Н. Нефедов переслал ему одно из моих доверительных писем, которые я писала Нефедову, когда он был сотрудником моего журнала. Одновременно мне была переслана копия открытого письма в "Вече", где Н. Нефедов сообщает, что посылает письмо О. Краковскому и просит напечатать часть этого письма. У меня под рукой нет копии моих

писем, так что я не могу проверить, правильно ли Н. Нефедов цитирует в своем открытом письме.

Но после этого спор о письме, опубликованном Тетеневым, становится беспредметным. Н. Нефедов доказал, что он способен посылать доверительные письма редакторам журналов и даже просить об их частичной публикации.

Если в русском Зарубежье находятся редакторы, способные публиковать личные письма другого человека без разрешения автора этих писем, то тем хуже для этих редакторов.

В. Пирожкова

* * *

Из статьи Полякова "О любви к родине и вермонтской березке" ("Вече" № 22):

"Не нужно пугаться того, что кто-то добудет себе эту доступность (к русской березке — В. П.) путем сговора с советской властью".

Комментарии излишни!

В. П.

Опечатки, замеченные в статье А. Гравина "Терроризм в России" ("Г. З." №41)

Напечатано:

Стр. 9-я, 23-я строка сверху:

Это было 3 октября

Стр. 8-я, 14-я строка сверху:

священник Василий

Стр. 10-я, 7-я строка сверху:

жестокими мерами

Следует читать:

Это было 3 декабря

священник Васильев

жесткими мерами

ПАМЯТИ ТАТИАНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ШАУФУС

25-го июля 1986 г., в возрасте 95 лет, скончалась Татиана Алексеевна Шауфус, самоотверженный и неутомимый ходатай за беженцев, борющихся за свою свободу, соосновательница Толстовского Фонда, создавшая дома для хронически больных Толстовского Фонда.

Т. А. Шауфус родилась в Киеве в 1891 году. Она окончила Киевский Институт благородных девиц и затем училась в Дрезденской Консерватории по классу фортепианной игры.

Во время Первой мировой войны Т. А. Шауфус окончила курсы сестер милосердия Свято-Георгиевской Общины Русского Красного Креста в Санкт-Петербурге. После получения диплома она работала в качестве старшей хирургической сестры и заведующей школой Свято-Георгиевской Общины при госпитале.

Она активно поддерживала русское профсоюзное движение и была выбрана генеральным секретарем Русского Профсоюза Сестер Милосердия.

В 1919 году Т. А. Шауфус была арестована ГПУ. Обвинение вменено не было и слушание дела в суде не состоялось, но ее приговорили к 16-ти месяцам заключения в тюрьме и в концлагере. Она была освобождена на том основании, что приговор оказался "недоразумением".

Во второй раз Т. А. Шауфус была арестована в 1928 году и провела 5 недель в тюрьме. В 1929 году ее арестовали в третий раз и она была сослана на поселение в Восточную Сибирь, где провела три с половиной года.

Благодаря вмешательству Международного Комитета Красного Креста Т. А. Шауфус в 1933 году получила разрешение эмигрировать в Чехословакию, где до 1939 года работала в Отделе Социальной Помощи Красного Креста.

Во время своего пребывания в Праге Т. А. Шауфус начала работу помощи русским беженцам. При ее ближайшем участии был создан Союз Русских Организаций, куда вошли многочисленные русские эмигрантские группировки.

В качестве директора Союза Русских Организаций, Т. А. Шауфус находилась в близком и постоянном общении с представителями Нансеновского Комитета по делам беженцев при Лиге Наций и с Министерством иностранных дел Чехословакии. За общественные заслуги Т. А. Шауфус правительство Чехословакии и город Прага присвоили ей почетное чехословацкое гражданство.

Т. А. Шауфус эмигрировала в Соединенные Штаты в 1938 году. Совместно со своим старым другом, Александрой Львовной Толстой, и другими видными русскими эмигрантами, она основала Толстовский Фонд, который способствовал беженцам эмигрировать в некоммунистические страны, сохраняя при этом все свои культурные навыки и этнические традиции. Бывший президент США Герберт Хувер был первым почетным председателем Толстовского Фонда.

В 1947 году Т. А. Шауфус расширила деятельность Толстовского Фонда, открыв его отделение в Западной Германии, Австрии и Италии. В настоящее время благодаря стараниям Т. А. Шауфус отделения

Толстовского Фонда имеются в нескольких штатах Северной Америки, в Канаде, в Западной Европе и в Южной Америке. Толстовский Фонд помог 80000 беженцев, рассеянных по всему миру.

После окончания Второй мировой войны Т. А. Шауфус, совместно с Высоким Комиссаром по Делам Беженцев при Организации Объединенных Наций, основала старческие дома на 2300 постелей для беженцев во Франции, в Германии, Западном Берлине и в Южной Америке.

В 1948 году она защищала интересы многих русских беженцев, попавших после революции 1917 года в Чехословакию, Югославию и Болгарию и оказавшихся вновь живущими под советским игом. Предвидя, что все эти перемещенные лица будут репатриированы в СССР, Т. А. Шауфус организовала их эмиграцию в Соединенные Штаты.

В 1954 году, когда премьер-министр Ирана Моссадег объявил, что все живущие там русские беженцы будут высланы на два необитаемых острова в Персидском заливе, Т. А. Шауфус воспрепятствовала этому проекту и отстояла право беженцев оставаться в Иране пока их не вывезут на Запад.

В 1962 году, узнав о том, что потомки старообрядцев, чьи предки эмигрировали в Турцию при царе Алексее Михайловиче, не могут дальше жить без новых контактов ввиду их строгих правил о родстве для вступления в брак, Т. А. Шауфус способствовала эмиграции старообрядцев в Нью-Джерси, Орегон и на Аляску.

В 1970 году Т. А. Шауфус основала Дом для Хронически Больных Толстовского Фонда (Валлей Коттедж, штат Нью-Йорк) для 96 пациентов, нуждающихся в постоянном медицинском уходе. В этом доме, созданном ее трудами, Татиана Алексеевна скончалась 25-го июля 1986 г.

Татиана Алексеевна была человек высокой души. За внешней суровостью и деловым тоном скрывалась исключительная доброта и чуткое отношение к людскому несчастью. Не задумываясь, она следовала словам поэта: "Иди к униженным, иди к обиженным".

Никто не уходил от Татианы Алексеевны, не получив помощи. После окончания Второй мировой войны, работая в беженских лагерях, она буквально спасала людей от верной смерти.

Татиана Алексеевна блестяще владела французским, английским, немецким и чешским языками, говорила и читала по-итальянски. Она была увлекательной и остроумной собеседницей, живо интересовалась всем, что происходит на свете, любила и ценила литературу и искусство.

Татиана Алексеевна была глубоко верующей христианкой. Незадолго до революции она стала ближайшей помощницей о. Павла Флоренского, одного из самых блестящих русских религиозных мыслителей. Отец Алексей Мечев, которого многие считали пророчеством и святым, был духовным отцом Татианы Алексеевны в московский период ее жизни.

Пусть земля Америки, которую так любила Татиана Алексеевна, будет легка этой удивительной женщине.

Почему такая великолепная теория уже столько лет приводит к совершенно противоположным результатам?

Ян Прохазка

Плохие свойства человека как такового?

Плохие руководители? Плохие народы? Плохая история?

*Может ли централизованное в масштабах государства производство и распределение сосуществовать с правами человека и со свободным обращением информации в обществе?
И ПОЧЕМУ МОЖЕТ ИЛИ НЕ МОЖЕТ?*

На эти вопросы отвечает

КНИГА ДОРЫ ШТУРМАН

”НАШ НОВЫЙ МИР”

ТЕОРИЯ. ЭКСПЕРИМЕНТ. РЕЗУЛЬТАТ

Рукопись книги, циркулировавшая в Самиздате с начала 1970-х гг., была нелегально вывезена из СССР. Автор, выехавший вслед, издал ее в 1981 году, дополнив (спустя десять лет) новыми фактами и статистическими данными, которые убедительно показали достоверность ”подпольного” анализа. Новое издание расширено и дополнено материалами 1980-х гг., еще более четко подтвердившими первоначальные прогнозы.

Объем книги — 460 страниц. Цена — 15 долл. Пересылка в Европу и США морской почтой — 1,7 долл.; авиапочтой: в Европу — 2,5 долл., в США — 3,5 долл. Книгу можно получить, отправив чек по адресу: S. Tictin, 422/6 Mizrahk Talpiot, Jerusalem 93802, Israel.

М. М. РОЗАНОВ

СОВЕТСКИЙ КОНЦЛАГЕРЬ В МОНАСТЫРЕ

1922 — 1939 годы

Книга первая. Издание автора, 1979, 302 стр. Стоимость 9 дол. **Книга вторая.** Издание автора, 1980, 176 стр. Стоимость 7 долл. Заказы направлять по адресу:

**Mr. Rozanov, P.O.Box 21, Sta F. Buffalo,
N. Y. 14212, USA.**

**ВЕРОНИКА АРЕНС-ПУЛАВСКАЯ
GLOBUS — A SLAVIC BOOKSTORE**

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, пластинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам. Выполняем заказы по почте. Адрес: 332 Balboa str., San-Francisco, CA 94118, USA. Телефон: (415) 668-4723. Магазин работает ежедневно, кроме воскресенья, с 10 до 6.

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Druck: "Express", Jerusalem